4
И-90

История русской диалектологии

М., 1961

56048

4
И-90

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1 РЯ - диалект - обе
2. ИЯ - орг. - нау

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

и. 56048.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1961

4
И-90
БИБЛИОТЕКА
56048

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Б. В. ГОРНУНГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

История изучения диалектов и говоров русского языка, тесно связанная в прошлом с изучением говоров украинского и белорусского языков, которые понимались как «наречия» русского языка, очень интересна и поучительна. Она тесно переплетается со всеми другими разделами русистики и отражает как развитие общелингвистических идей XIX—XX вв., так и развитие методики и техники исследования фактов языка.

Большинство выдающихся языковедов-русистов были и выдающимися диалектологами — И. И. Срезневский, А. А. Потебня, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов, Н. Н. Дурново, Л. Л. Васильев, А. М. Селищев и др. С их именами связаны этапы развития науки о русском языке и создание новых методов использования для истории языка фактов живых народных говоров в сочетании с данными письменных памятников. Но в русскую диалектологию внесли большой вклад и такие труженики науки, работы которых не были отмечены какими-либо новыми достижениями в области теории или методики,— В. И. Даль, П. А. Лавровский, М. А. Колосов, В. И. Чернышев, Н. Н. Соколов, П. А. Расторгуев и др.

В результате почти векового коллективного труда создалась четкая картина диалектного членения русского, украинского и белорусского языков и переходных говоров между ними. Это диалектное членение было дано в 1915 г. в «Опыте диалектологической карты русского языка в Европе» Московской диалектологической комиссии Академии наук. Знаменательно, что несмотря на огромные пробелы в материалах того времени, эта общая картина — та «география русского языка», о которой писал еще И. И. Срезневский,— не только не опровергается в наше время результатами работы над диалектологическими атласами на основе сплошного обследования территории по достаточно густой сетке, но, наоборот, подтверждается ими в основном и лишь уточняется в деталях.

Русская диалектология уже с конца XIX в. опиралась на труд большой армии энтузиастов — корреспондентов из числа народных учителей, краеведов и других представителей сельской интеллигенции, присылавших свои материалы сперва в Русское географическое общество, позже в Отделение русского языка и словесности (ОРЯС) Академии наук и, наконец, в Московскую диалектологическую комиссию при нем. Без их помощи, без многочисленных «ответов на программы» не могли быть созданы «Опыт диалектологической карты» 1915 г. и приложенный к нему «Очерк русской диалектологии», не потерявший и сегодня своего научного значения.

В советское время эта армия «полевых» диалектологов не только увеличилась в числе, но и изменилась качественно: в создании диалектологических атласов под общим руководством Института русского языка АН СССР принимают участие сотни работников периферийных университетов и педагогических институтов. Эти работники уже не являются любителями-энтузиа-

стами прошлого: оставаясь энтузиастами своего дела, они обладают квалификацией лингвистов-диалектологов и руководят ежегодно огромным коллективом аспирантов и студентов, участвующих в плановых диалектологических экспедициях.

Русская диалектология в советское время вышла и за границы «русского языка в Европе». А. Д. Григорьев и А. М. Селищев были основоположниками сибирской диалектологии, которая в начале нашего столетия еще была terra incognita. Используя опыт русской диалектологии, успешно развивается диалектология в национальных республиках. В некоторых из них уже началась подготовка диалектологических атласов.

К этим многочисленным диалектологическим кадрам нашей страны и обращается настоящая книга, рассказывающая о том, как сложилась эта общая картина «географии русского языка» и как создавались современные методы диалектологических исследований, без которых уже со времен А. И. Соболевского и А. А. Шахматова никто не представляет себе возможным построение истории русского языка.

Б. Горнунг

И. А. Оссовецкий

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Первые попытки научно осмыслить языковые данные русских народных говоров относятся еще к XVIII в. Но уже и раньше, в старинных русских рукописях, встречаются отрывочные указания на отличия книжного языка от разговорного[1]. Эти указания носят самый общий характер, и только в отдельных случаях диалектные особенности сознательно приурочены к какой-нибудь местности. Чаще всего внимание авторов (или переписчиков) этих рукописей направлено на лексические особенности, но иногда указываются и отличия фонетические[2].

Любопытные замечания о некоторых диалектных фактах встречаем у В. К. Тредьяковского. Они представляют собой едва ли не первую по времени попытку не только отметить то или иное диалектное явление, но и как-то объяснить его. В сочинении «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой...» Тредьяковский отмечает некоторые особенности «простого разговора» по сравнению с языком книжным. Любопытны указания автора

[1] См. П. К. Симони. Русский язык в его наречиях и говорах. «Известия ОРЯС АН», 1896, т. I, кн. 1, стр. 120—121.

[2] См., например, орфографический указ 1675 г. (П. К. Симони. Русский язык.., стр. 121).

на московское аканье, а также беглые замечания о произношении гласных русского языка под ударением и без ударения. Тредьяковский отмечает также цоканье и новгородские формы: «в старой Русы», «на Тихвины», «в избы». Однако у него еще нет понимания диалекта как исторически развившейся категории.

Наряду с языковыми данными русских говоров Тредьяковский приводит также некоторые факты украинского языка, не делая различия между ним и русскими говорами. Такая точка зрения на украинский язык как на одно из наречий языка русского долго держалась в русской лингвистической литературе и в работах отдельных исследователей дожила вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Впервые с пониманием диалекта как исторически сложившейся языковой единицы мы встречаемся в трудах М. В. Ломоносова.

Ломоносов обратил внимание на неоднородность русского языка на территории Российской империи и попытался наметить группировку русских диалектов. Работая над собиранием материалов для своей «Российской грамматики», Ломоносов набрасывает ряд тем, среди которых есть и тема о «диалектах российских»[3]. Другие данные показывают, что Ломоносов неоднократно возвращался к этой теме и пытался научно осветить ее на известном ему фактическом материале.

В «Российской грамматике» Ломоносов отмечает главную черту московского наречия — аканье и замечает при этом, что если бы стали писать по московскому выговору, то «должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно»[4]. Следовательно, Ломоносов считал, что в говорах русского языка преобладает оканье. Если учесть, что украинский язык он рассматривал как диалект русского языка, то его догадка о соотношении оканья и аканья в «российском языке» вполне подтвердилась позднейшими материалами.

---

[3] М. В. Ломоносов. [Материалы к Российской грамматике]. Полное собр. соч., 1952, т. VII, стр. 606. В дальнейшем работы М. В. Ломоносова цитируются по этому изданию.

[4] «Российская грамматика», § 115.

Весьма интересна сохранившаяся в бумагах Ломоносова программа языковедческих исследований — «Филологические исследования и показания к дополнению грамматики надлежащие»[5]. Из нее видно, что диалектологические темы занимали важное место в исследовательской работе Ломоносова по русскому языку.

Занимаясь изучением русских говоров, Ломоносов опирался на большой по тому времени фактический материал. По его собственному признанию, он хорошо знал местные говоры. Лучше всего он был знаком с родным ему архангельским говором. Лексический материал «Российской грамматики» и особенно «Материалов к Российской грамматике»[6] содержит много диалектных слов, свойственных главным образом северновеликорусским говорам.

Правильно определил Ломоносов и отношение русских говоров друг к другу сравнительно с соотношением диалектов в других языках: «Народ российский, по великому пространству обитающий, невзирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например в Германии, баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа»[7].

В «Российской грамматике» Ломоносов дает классификацию «российских диалектов», которых насчитывает три: московский, северный и украинский[8]. В «Материалах к Российской грамматике» Ломоносов тоже указывает три диалекта и каждому дает краткую характеристику: «Российский язык <главно> можно разделить на три диалекта: 1) московской, 2) поморской, 3) малороссийской. Первой главной и при дворе и в дворянстве употребительной и особливо в городах, близ Москвы лежащих. Другой несколько склонен ближе к старому славенскому и великую часть России занял. Третей больше всех отличен и смешен с поль-

[5] М. В. Ломоносов. Полное собр. соч., т. 7, стр. 763.

[6] Там же, стр. 595—760.

[7] «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», стр. 590.

[8] «Российская грамматика», § 112.

ским. Пограничные жители употребляют много слов близлежащих народов — чум, вежа, ворока»[9]. С белорусским языком Ломоносов, видимо, был совсем незнаком. Работы Ломоносова по диалектологии представляют собой наивысшее достижение русского языкознания XVIII в. в области диалектологии.

Другие ученые и писатели этого времени, которые обращались к вопросу о русских диалектах после Ломоносова, ограничивались лишь констатацией отдельных фактов, хотя в некоторых случаях их наблюдения не лишены известного интереса. Так, например, В. Н. Татищев в своей «Истории Российской с самых древних времен» указывает на лексические различия в говорах: *ковш* и *корец, квашня* и *дежа*[10]. В другом сочинении Татищев излагает программу собирания сведений о географии, быте и языке народностей, населяющих Россию. Он требует, чтобы запись языка производилась с наивозможной тщательностью[11].

Бегло коснулся русских говоров и А. П. Сумароков, который обвинял Ломоносова в том, что он ввел в литературный язык «провинциальное произношение». Любопытны замечания Сумарокова о московском аканье[12].

Некоторый диалектный материал встречается в неизданной до сих пор грамматике А. А. Барсова, которая была составлена в 1785—1788 гг. Это грамматика литературного языка с эпизодическими ссылками на диалекты[13].

Интерес к народным говорам, зародившийся в XVIII в., уже не ослабевал. Об этом свидетельствует «Словарь Академии Российской» 1789—1794 гг., в котором довольно много слов и выражений, названных простонародными. Сначала решено было включить в «Словарь» все областные слова, известные Академии, но потом это решение отменили, и в «Словаре» были оставлены лишь те областные слова, которыми «изобра-

[9] Материалы к Российской грамматике, стр. 608.

[10] С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 265.

[11] Н. Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861, стр. 695.

[12] А. П. Сумароков. О правописании. Полное собр. соч., 1782, ч. X, стр. 16. См. П. К. Симони. Указ. соч., стр. 126.

[13] М. И. Сухомлинов. История Российской Академии. «Сборник ОРЯС АН», т. XIX, 1878, № 1, стр. 272 и след.

жаются вещи, орудия и проч., в столицах не известные, также и те, которые могут послужить к обогащению и обилию языка, или же изяществом своим превосходят слова, в столицах употребляемые»[14]. В «Словаре» были помещены областные слова из разных местностей Украины, Сибири, Камчатки, Охотска, Байкала, Урала, Белого моря, Архангельска и Поволжья.

Работа над этим словарем представляет собой первый опыт собирания лексического материала русских говоров в относительно широких масштабах.

Об интересе к народным говорам ярко свидетельствует «Положение Собрания университетских питомцев [Московского университета], сделанное в полном заседании января 27-го дня 1789 года», призывавшее собирать местный материал, имеющий отношение к «1) натуре, 2) к гражданству и 3) к отечественному языку нашему»[15]. В «Положении» указывалось, что «Третий пункт имеет предметом язык наш, разнообразные его наречия, корни слов, особенные изречения и обороты, пословицы, поговорки, прибаски и прочее»[16]. Этим было положено начало широкому собиранию диалектных лексических материалов, которые потом публиковались в «Трудах Общества любителей российской словесности».

Лексические материалы поступали в Общество от самых различных корреспондентов. Одним из наиболее активных был М. Н. Макаров, которому принадлежит «Опыт русского простонародного словотолковника»[17]. Весь материал словаря собран самим автором и частично был опубликован раньше в «Трудах Общества любителей российской словесности». Расположение слов алфавитное, причем некоторые слова автор помещает

[14] Записки Российской Академии. Собрания: 12 марта 1784 года, ст. III, л. 43.

[15] «Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете», ч. 20. М., 1822 (ошибочно напечатано 1820), стр. 102—103.

[16] См. П. К. Симони. Русский язык в его наречиях и говорах. «Известия ОРЯС АН», 1896, т. I, кн. 2, стр. 401.

[17] М. Н. Макаров. Опыт русского простонародного словотолковника. «Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1846, №№ 3, 6; 1847, №№ 1—4, 7, 9; 1848, №№ 1—5.

«по выговору», считая необходимым передать и некоторые фонетические черты говоров, о которых он говорит в предисловии (например, костромское оканье, московское аканье и пр.).

М. Н. Макаров занимался также рязанскими говорами, в которых отметил цоканье и яканье [18].

В начале XIX в. интерес к народным говорам продолжает расти. Расширяется работа по собиранию лексических материалов, которые публикуются в различных изданиях того времени. В основном ценность диалектного материала осознается в плане лексики; фонетика и морфология остаются пока за пределами научного изучения или хотя бы накопления материалов. Если лексические материалы того времени в значительной мере сохраняют свою ценность и сейчас, то скудные и случайные материалы по фонетике и морфологии отчетливо показывают непонимание важности этих сторон языка. Тем не менее некоторые из этих материалов заслуживают внимания хотя бы как первые данные такого рода. С этой точки зрения любопытен «Ручной дорожник для употребления на пути между Императорскими Всероссийскими столицами, дающий о городах, по оному лежащих, известия исторические, географические и политические; с описанием обывательских образов, одежд, наречий и видов лучших» (СПб., 1801), где дается характеристика некоторых говоров русского языка, иллюстрируемая примерами в относительно точной транскрипции [19]. Автор (тверской чиновник И. Ф. Глушков) бегло характеризует наречия новгородское, вышневолоцкое, новоторжское и тверское; в примерах отмечены оканье (новг.), переход *ѣ* в *и*, яканье (вышневол.) и т. д. Характеристика говоров представляет собой констатацию случайных черт.

Деятельность Общества любителей российской словесности по собиранию диалектных лексических материалов подала пример Второму отделению Академии наук. В 1845 г. Отделение обратилось к директорам училищ с просьбой присылать записи местных слов. Многие директора откликнулись на это обращение, в

[18] С. К. Булич. Указ. соч., стр. 1139—1140.
[19] Там же, стр. 1105—1107.

результате чего в Отделении накопился большой лексический материал, который решено было издать в виде словаря. Проспект словаря был написан И. И. Срезневским, редактором назначен А. Х. Востоков. В основу словаря были положены собрания областных слов Я. И. Бередникова и И. И. Срезневского[20].

Несмотря на многие недостатки, которые объясняются новизной дела и общим уровнем тогдашней филологической науки, словарь сыграл чрезвычайно большую положительную роль в развитии русской диалектологии. Значение его огромно. Словарь представляет собой первое большое собрание областных слов, осуществленное таким авторитетным учреждением, как Академия наук.

Словарь вызвал множество рецензий, значительно обогативших русскую лексикографию новыми материалами и ценными мыслями[21].

Собранный Вторым отделением лексический материал оказался настолько велик, что через несколько лет было опубликовано «Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря»[22], которое своим объемом превзошло сам словарь.

Интерес к народным говорам выражался не только в собирании лексического материала с последующим его публикованием. Местные видоизменения русского языка естественно наталкивали на мысль о генезисе русских говоров и их классификации. Высказывания по этому вопросу мы встречаем уже у Ломоносова, который дал первую классификацию русских наречий, включив в них и украинский язык. В дальнейшем вопрос классификации говоров занимал многих ученых. Тогдашнее состояние науки о русских диалектах представляло мало возможностей для решения проблемы классификации говоров на прочной фактической базе с опорой на хорошо изученные современные языковые факты.

[20] «Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением имп. Академии наук». СПб., 1852. Подробному изложению истории подготовки и создания этого словаря посвящена статья Л. И. Балахоновой (см. ниже, стр. 98—123).

[21] См. П. К. Симони. Указ. соч., стр. 410.

[22] «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря». Изд. Второго отделения имп. Академии наук. СПб., 1858.

Поэтому за основу часто брались лишь самые общие признаки, которые, естественно, позволяли классифицировать говоры только в самых общих чертах. Вопрос о классификации русских говоров в исследованиях тогдашних ученых тесно сливался с вопросом о их генезисе, причем отсутствие достаточного количества изученных фактов давало большой простор субъективным построениям исследователей.

Слабая изученность русских говоров приводила к тому, что в качестве характерных черт того или иного диалекта указывались такие, которые впоследствии были обнаружены в других диалектах и поэтому теряли свое значение классификационных признаков. Любопытно, что в качестве таких признаков обычно назывались черты фонетические, тогда как весь известный к тому времени материал состоял почти исключительно из лексики.

В первой половине XIX в. продолжает укрепляться мысль о важности и значительности диалектных данных (сперва почти исключительно лексических) для истории языка и отчасти истории народа. Многие ученые этого времени рассматривали диалекты как некое хранилище таких языковых фактов, главным образом лексических, которые уже исчезли в литературном языке. Такой подход к диалектам односторонен, он не принимает во внимание важность диалектных данных самих по себе, а также тех новообразований, которые так хорошо иллюстрируют тенденции развития данного языка. Точка зрения на диалекты как на реликтовые образования, отставшие в своем развитии от литературного языка (а не как развившиеся параллельно, но по своим собственным внутренним законам), приводила к тому, что классификация говоров больше опиралась на историю, чем на современные данные. Этому способствовало и то обстоятельство, что памятники древней письменности относительно лучше были известны науке того времени, чем современные говоры. Кроме того, как уже говорилось выше, проблема классификации говоров не отделялась от проблемы их генезиса. Упор классификации на данные истории был причиной решения этой проблемы лишь в самом общем плане и при этом без различения русского, украинского и бело-

русского языков. В результате вопрос о классификации русских диалектов у многих исследователей переходил, в сущности, в вопрос о классификации восточнославянских языков.

Типичной в этом отношении представляется классификация Е. Болховитинова, изложенная им в письме к П. И. Кеппену[23]. На основании исторических документов Е. Болховитинов намечает следующие «российские наречия»: 1) церковно-славянский диалект (самый древний), 2) новгородский, отразившийся в «Русской Правде», Новгородской летописи и других памятниках новгородской письменности, 3) киевский, на котором писал Нестор, 4) владимиро-суздальский, 5) белорусский (с XIV в.) и 6) киевско-малороссийский. Эти древние диалекты с течением времени распространились по территории России. Так, новгородский диалект был занесен в Ярославль, Кострому, на Вятку, в Нижний Новгород и в другие местности, где до сих пор слышатся новгородское оканье и новгородские слова. Владимиро-суздальский диалект с перенесением столицы во Владимир изменился и дал «нынешний язык Московский, Рязанский, Тульский, Калужский и всей средней полосы Российской империи»[24]. Белорусский язык образовался в Полоцке и Смоленске из смешения «славяно-русского» языка с польским и литовским. Киевско-малороссийский диалект образовался из смеси польского языка с русским и выходцами из приднепровских местностей распространился в губерниях Курской, Орловской, Харьковской и Воронежской. Кривичский диалект, о котором говорили некоторые исследователи, Е. Болховитинов считает тем же новгородским. Как видим, эта классификация построена на основании данных истории и данных памятников письменности в той мере, в какой это было возможно в то время. Материал же современных говоров учтен лишь в самом общем виде, отражающем уровень тогдашних знаний по диалектологии.

Некоторые исследователи предлагали свои классификации, не приводя никакого материала, исторического

---

[23] Опубликовано П. К. Симони (Указ. соч., стр. 396—399).
[24] Там же, стр. 307.

или современного. Такова, например, классификация И. Сахарова, опубликованная им в томе I «Сказаний русского народа» (1841).

Много внимания проблеме классификации русских говоров уделил Н. И. Надеждин, который пытался опереться не только на данные истории, игравшие в его концепции ведущую роль, но также и на современный ему диалектный материал. Это делает его классификацию несколько более «устойчивой», хотя в ней тоже немало априорного и субъективного.

Взгляды Н. И. Надеждина изложены им в статье «Великая Россия» [25], а впоследствии — в статье «Mundarten der russischen Sprache» (на немецком языке) [26]. Надеждин утверждает, что возникновению наречий способствовали географические условия. Водораздел между Балтийским и Черным морями разделил русский язык на два главных наречия — южное («понтийско-русское») и северное («балтийско-русское»). Понтийско-русское наречие легло в основу современного украинского языка (малороссийского, по терминологии Надеждина), балтийско-русское наречие — в основу современного белорусского языка. Оба эти языка очень древние, они восходят к племенным диалектам, поэтому мнение о том, что украинский язык образовался из русского под влиянием польского языка, а белорусский — под влиянием польского и литовского, Надеждин считает научно несостоятельным.

Впоследствии на востоке мало-помалу образовался третий вид русского племени, язык которого Надеждин называет восточнорусским главным наречием. Генетически восточнорусское наречие моложе украинского и белорусского, оно впитало в себя черты как понтийско-русского, так и балтийско-русского наречий. Различе-

[25] Энциклопедический Лексикон, изд. Плюшара. СПб., 1837, т. IX, стр. 261—276.

[26] N. Nadeschdin. Mundarten de russischen Sprache. «Jahrbücher der Literatur», Wien, 1841, B. XCV. Эта статья представляет собой рецензию на сочинение В. Копитара «Hesychii glossographi discipulus Russus etc». На русском языке эта статья не была опубликована, извлечения из нее в русском переводе см. в статье: П. Савельев. Об отличительных признаках и наречиях русского языка по системе Надеждина. «Журнал Министерства народного просвещения», 1857, февраль.

ние этих трех наречий Надеждин считает первым и необходимым шагом в русском языкознании.

Двойственным происхождением восточнорусского наречия объясняется наличие в нем двух главных диалектов, акающего и окающего: «...аканье и оканье — самые надежные признаки, по которым можно отличить два главные оттенка восточнорусского колена»[27]. Оба говора по генетическому признаку могут быть названы: первый — рязанским, второй — новгородско-суздальским. Далее Н. И. Надеждин приводит характерные признаки новгородско-суздальского и рязанского диалектов, среди которых наиболее заслуживают внимания оканье — аканье, *г* взрывное и *г* фрикативное, *т* твердое и *т* мягкое в глаголах 3-го лица и др.

Последующее изучение русских говоров подтвердило наличие двух основных наречий русского языка — северновеликорусского и южновеликорусского, которые различаются указанными выше чертами. Остальные черты, приводимые Н. И. Надеждиным, не могут считаться характерными только для одного из этих наречий (например, 3-е лицо глаголов без окончаний в рязанском диалекте, цоканье — в новгородско-суздальском).

Как видим, Н. И. Надеждин, подобно своим предшественникам, не отделяет проблемы классификации русских говоров от проблемы классификации славянских языков и строит свою классификацию главным образом на историческом материале. Недостаточное знакомство с русскими говорами не дало ему возможности выделить третье наречие — средневеликорусское, которое обладает специфическим комплексом языковых черт.

Теория происхождения великорусского языка, как она представлена у Н. И. Надеждина, не подтвердилась научными фактами истории и диалектологии, однако нельзя не отметить, что Н. И. Надеждин учитывал позднейшие исторические процессы и не возводил современные ему русский, украинский и белорусский языки непосредственно к периоду древнейшей истории. О русском, украинском и белорусском языках Н. И. Надеждин считает возможным говорить лишь

[27] П. Савельев. Указ. соч., стр. 310.

www.ruslang.ru

после XIV в., когда они оформились как самостоятельные языки.

Вопросом о классификации русских говоров занимался также М. А. Максимович, предложивший следующее деление, в основу которого было положено оканье и аканье: 1) наречие верхнерусское, 2) наречие нижнерусское (суздальское) — оба окающие и 3) наречие среднерусское, 4) наречие московское — оба акающие[28]. Интересно отметить, что М. А. Максимович один из первых указывал, что так называемое «украинское наречие» есть самостоятельный язык, отличный от великорусского.

Суммарная характеристика русских говоров, субъективность принципов их классификации, зыбкость теоретических рассуждений о происхождении русских диалектов отражали общее состояние русской диалектологии, слабую изученность отдельных говоров или групп говоров. Однако все эти недостатки уже отчетливо сознавались отдельными учеными, почему все чаще и чаще начинали выдвигаться требования перейти от широких и малодоказательных обобщений к накоплению и тщательному изучению конкретного материала. Вот что писал П. Савельев в 1857 г.: «Еще много работ предстоит отечественным филологам до получения неоспоримых результатов как относительно места, занимаемого русским языком в семье ему однородных, так и в отношении его отличительных признаков, подразделения его на наречия и происхождения последних. И в этом вопросе народного самосознания, как и в других, мы скороспешно забегали вперед, стараясь возвести здание, когда еще не подготовлены материалы, строить системы из сведений отрывочных, употреблять синтез там, где еще не было процесса анализа... Составленные классификации наречий основывались лишь на устном познании их авторами и держатся только доверием к сказанному ими, по неимению письменных документов ни за, ни против. При отсутствии критически проверенных областных словарей (с показанием поместных выговоров)

[28] М. А. Максимович. История древней русской словесности. Киев, 1839; перепечатано в «Собрании сочинений» (Киев, 1880, т. III).

и словарей древнего и старорусского языка (с означением времени употребления слов), при неимении сравнительных исторических грамматик открыто широкое поле филологическому произволу, совершенно бесплодному для науки, который, к сожалению, и доселе проявляется у нас в статьях, называемых «филологическими». Первый опыт характеристики и классификации русских наречий (в «Сказаниях русского народа» г. Сахарова) был и остается образцом произвола» [29].

С обоснованной критикой своих предшественников по вопросу о классификации русских говоров выступил В. И. Даль, точка зрения которого наиболее полно изложена им в статье «О наречиях русского языка» [30]. По своему материалу статья эта значительно превосходит все другие работы этого типа. Поэтому выводы В. И. Даля, хотя и несовершенные с современной точки зрения, тем не менее оказались наиболее авторитетными и соответствующими действительности.

В. И. Даль указывает, что для знакомства с русскими говорами одного только словаря мало и что «...нужны общие правила, как и чем одно наречие отличается от другого, чем говор рознится от говора. В этом деле найдем мы необходимое подспорье для географии, этнографии и истории, а еще более для изучения родного языка» [31]. Такими сведениями по отдельным говорам В. И. Даль обладал в значительно бо́льшей степени, чем его предшественники и современники, хотя и его знания в значительной степени были результатом личных наблюдений. В. И. Даль критикует суммарные характеристики говоров и указывает, что некоторые черты, считавшиеся характерными для одного наречия, в действительности встречаются и в другом.

В статье «О наречиях русского языка» В. И. Даль дает свою классификацию говоров и характеризует отдельные наречия и говоры. По богатству материала,

---

[29] П. Савельев. Указ. соч., стр. 302—303.

[30] В. И. Даль. О наречиях русского языка. По поводу «Опыта областного великорусского словаря», изданного Вторым отделением им. Академии наук. «Вестник имп. Русского географического общества», 1852, ч. VI, кн. 1, отд. IV (перепечатано в томе I «Толкового словаря живого великорусского языка», изд. 2-е, 1880).

[31] В. И. Даль. Указ. соч., стр. XLIII.

по точности и обоснованности выводов, а также п
степени детализации в описании говоров работ
В. И. Даля превосходит все, что было сделано до него

В. И. Даль указал, что границы наречий часто н
совпадают с административными, поэтому в одной
той же губернии можно встретить разные говоры, а н
их границах — переходные. В качестве примера он при
водит Московскую губернию, где говорят и по-новго
родски (Клин), и по-смоленски (Можайск), и по-суз
дальски (Богородск): «Если подняться на золотые ма
ковки Белокаменной, то можно окинуть глазом про
странство во все четыре стороны, где уже говоря
иначе» [32].

Опираясь на личный материал, В. И. Даль приводи
свою классификацию русских говоров, характеризуя
каждое наречие с большой полнотой. Классификаци
В. И. Даля многостепенна, т. е. сперва он выделяет бо
лее крупные диалектные единицы, а затем внутри каж
дой единицы намечает более дробные деления.

Все говоры В. И. Даль делит на окающие (к севе
ру от Москвы) и акающие (к югу от Москвы). Окаю
щие говоры в свою очередь делятся на северные и вос
точные, акающие — на южные и западные. Такое деле
ние «по странам света» в общих чертах правильно по
казывает действительное соотношение различных рус
ских говоров.

Кроме указанных выше четырех главных наречий
Даль выделяет еще наречия московское (отмечая его
общенародный характер), сибирское, новорусское (на
юге России) и донское.

Северное наречие — это новгородское, которое рас
пространено далеко за пределами Новгородской губер
нии (например, в Олонецкой, Архангельской и други
северных и северо-восточных губерниях). Характеристи
ка этого наречия у В. И. Даля достаточно полная и вер
ная. Во всяком случае позднейшие исследования лиш
уточнили положение более мелких территориальны
диалектных единиц и добавили некоторые новые черт
к их характеристике.

---

[32] В. И. Д а л ь. О наречиях русского языка..., стр. XLIX.

Восточное наречие В. И. Даль называет также владимирским или суздальским. Оно распространено в губерниях Владимирской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской и Оренбургской. Хотя это наречие тоже окающее, Даль по ряду признаков отделяет его от северного. Границы восточного наречия, указанные В. И. Далем, в значительной степени совпадают с границами владимирско-поволжских говоров, выделенных значительно позднее.

Рязанское наречие распространено на юг от Москвы и охватывает губернии Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Орловскую, Курскую. К этому же наречию В. И. Даль относит говоры Саратовской и Астраханской губерний с той оговоркой, что в этих губерниях население смешанное, говорящее на разных диалектах.

Смоленское наречие слышится на территории к западу от Москвы (начиная от Можайска), незаметно переходя в наречие белорусское. Характеристика этого наречия тоже достаточно полная по тому времени. Интересно отметить, что В. И. Даль совершенно правильно подметил, что между русским и белорусским языками нельзя провести отчетливой территориальной границы.

Сибирское наречие представляет собой смесь новгородского и владимирского наречий. Такой же смешанный характер имеют наречия новороссийское в южной России (в Херсонской, Екатеринославской, Таврической и Бессарабской губерниях) и донское.

Характеризуя каждое наречие, особенно главные, В. И. Даль приводит большой фактический материал и намечает более дробные деления внутри каждого наречия и тоже с привлечением фактического материала. Например, весьма интересно указание на звуки *уо*, *ыы* в Вятской губернии, т. е. на дифтонг на месте *о* исконного под восходящим ударением. В. И. Даль указывает также, что этот дифтонг встречается и в мещерских говорах, в Егорьевске, Касимове и Муроме, что подтвердилось позднейшими наблюдениями.

Без преувеличения можно сказать, что по количеству материала и по широте охвата статья В. И. Даля представляет собой выдающееся явление в тогдашней науке. Его классификация говоров и их характеристика не потеряли своего значения и до настоящего времени.

Интересно отметить, что В. И. Даль говорит только о русских говорах, выделяя, таким образом, проблему их классификации из более общей проблемы классификации восточнославянских языков. Точно так же В. И. Даль отделяет эту проблему от проблемы генезиса русских диалектов. Эти два момента отличают В. И. Даля от его предшественников.

В. И. Даль уже ясно осознавал и необходимость выработки научной терминологии для обозначения различных языковых территориальных единиц и предложил свою терминологию, которая, впрочем, не привилась (*речь* в значении «говор», *молвь* в значении «наречие»). Потребность такой дифференцированной терминологии возникла из хорошего знакомства с говорами, чего не было у предшественников В. И. Даля, которые безразлично употребляли одни и те же термины для обозначения разных диалектных территориальных единиц.

Статья В. И. Даля «О наречиях русского языка» внесла много нового в развитие русской диалектологии. Но вместе с тем и в ней еще много недоработанного, эмпирического, подчас наивного. Часто В. И. Даль дает оценочные характеристики тем или иным говорам, например, говоря об искажениях, пишет, что та или иная особенность говора «неприятно поражает ухо», некоторые фонетические черты кажутся ему «приторными» и т. д. Подобные вкусовые оценки, конечно, ничего не прибавляют к научной характеристике того или иного говора.

Сказывается у В. И. Даля и неразработанность лингвистической терминологии того времени. Поэтому часто вместо научного описания того или иного языкового факта мы встречаем у В. И. Даля лишь субъективное впечатление от этого факта. Так, например, он указывает на то, что в одном из наречий «букву *г* произносят не очень круто», говорит о «мягком детском звуке между *г* и *и*» и т. д. Обычны замечания о том, что в разных говорах говорят «нараспев», «свысока», «певуче», «плавно» и т. д. Если в говоре представлены черты, известные в разных наречиях, то такой говор получает у В. И. Даля отрицательную (!) оценку. Так, говор Тверской губернии кажется ему «безобразным» и «пестрым».

Классификация В. И. Даля построена на материале, известном ему из личных наблюдений. Как бы ни был велик этот материал, он все же недостаточен для полного разрешения проблемы классификации русских говоров. Эта проблема не может считаться разрешенной в полной мере и в настоящее время.

Основательное знакомство В. И. Даля с русскими говорами есть результат его работы над словарем, над которым В. И. Даль работал всю жизнь [33]. Значение этого огромного труда общеизвестно.

Если в своей теоретической части (принципы расположения слов, толкования, приемы иллюстраций и т. д.) «Толковый словарь живого великорусского языка» отчасти устарел, то его фактический материал сохранил свое значение до наших дней: он является самым полным собранием лексики русских диалектов. Ни один из последующих словарей диалектной лексики (из них некоторые очень ценны по материалу) не мог сравниться со словарем В. И. Даля, который остается лучшим справочником этого типа.

При составлении своего словаря В. И. Даль широко пользовался материалом ранее вышедших словарей и записями своих многочисленных корреспондентов. Кроме этого, В. И. Даль включил в словарь все лично собранные им слова, запас которых у него был огромен. Всего в «Словаре» В. И. Даля помещено свыше 200 тысяч слов. Помимо слов «Словарь» В. И. Даля включает в себя богатую фразеологию, пословицы, поговорки; ко многим словам В. И. Даль дает развернутый реальный комментарий, обнаруживая превосходное знание не только русских говоров, но и быта, нравов и обычаев народа [34].

«Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля — это завершающий этап той большой

[33] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I—IV, 1863—1866; 2-е изд. 1880—1882; 3-е изд. 1903—1909. 2-е издание было воспроизведено фотомеханическим способом и переиздано Гослитиздатом в 1935 г.

[34] Об истории создания «Словаря» В. И. Даля, а также о принципах его построения см.: М. В. Канкава. В. И. Даль как лексикограф. Автореферат на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тбилиси, 1952; его же. В. И. Даль как лексикограф. Тбилиси, 1958.

работы по собиранию диалектной лексики, которая началась еще в XVIII в. Это была целая полоса в русской диалектологии, когда главное внимание уделялось лексике, которая считалась самой ценной частью русских народных говоров. Собирание и изучение лексики естественно толкало к изучению диалектной фонетики и морфологии, как это лучше всего видно на примере научной деятельности самого В. И. Даля; однако основные усилия русских диалектологов были направлены именно на собирание и изучение лексики. Фонетика и морфология русских говоров еще ожидали своих исследователей.

Замечательный этап развития русской диалектологии представляет собой научная деятельность академика И. И. Срезневского. Его научное творчество характеризуется глубиной поставленных проблем, широтой охвата и максимальным привлечением к исследованию доступного в то время материала. Велики заслуги И. И. Срезневского и в области практической деятельности по организации собирания диалектного материала.

И. И. Срезневского, как и многих других современных ему ученых, занимал вопрос о происхождении русского языка и его наречий. В книге «Мысли об истории русского языка»[35] он развивает свою концепцию этой проблемы. В истории языка И. И. Срезневский различает два периода: 1) «период развития форм» и 2) «период превращений». В первый период слова-корни начинают присоединять к себе другие корни, имеющие формальное значение. Поэтому появляется возможность различения частей речи, а внутри частей речи — различения рода, числа, падежа, залога, вида и т. д. Это время развития форм. Затем наступает «период превращений», период забвения старых форм и выработки новых. В этот период происходит коренное изменение языка, меняются его звуки, что влечет за собой изменение системы корней языка и смешивание ранее выработанных форм. Изменяются формы словоизменения и характер форм словосочетания. Русский язык в древней-

[35] И. И. Срезневский. Мысли об истории русского языка. СПб., 1850. Цитаты даются по 4-му изданию (1887).

шую историческую эпоху уже вступил в период превращений, и это повлекло за собой дробление его на наречия. Поэтому наречия русского языка (так И. И. Срезневский называет русский, украинский и белорусский языки) не столь древнего происхождения. «Давни, но не испоконны черты, отделяющие одно от другого наречия северное и южное — великорусское и малорусское; не столь уж давни черты, разрознившие на севере наречия восточное — собственно великорусское и западное — белорусское, а на юге наречия восточное — собственно малорусское и западное — русинское, карпатское; еще новее черты отличия говоров местных, на которые развилось каждое из наречий русских»[36].

Современные диалекты по И. И. Срезневскому — результат «процесса превращения». Этот процесс отдалил славянские языки друг от друга и «раздробил» отдельные языки на наречия. Следовательно, все диалектное — это позднейшее новообразование, разрушившее древнюю монолитность. В этой теории И. И. Срезневского много интересного, но она внеисторична и абстрактна.

С полным пониманием говорит И. И. Срезневский о своеобразии и ценности диалектных данных для истории русского языка, но вместе с тем он не отделяет вопроса об особенностях русских говоров от вопроса об особенностях славянских языков, не отделяет русскую диалектологию от сравнительной грамматики славянских языков и рассматривает первую в общеславянском плане, не выделяя в отдельную науку.

И. И. Срезневский набрасывает широкую программу исследований по русскому языку: «По каждому из наречий русских и их местных оттенков должны быть составлены отдельно словари и сборники образцов из песен, пословиц, сказок, разговоров и т. п. и для каждого отдельно особенная грамматика с разбором памятников народной словесности в отношении к слогу, мере, формам изложения и содержанию. Развитие языка в местные видоизменения должно быть исследовано в частных монографиях так же отчетливо, как и развитие языка повременное по памятникам, оставшимся от

[36] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 34.

разных веков. Влияние элементов иностранных должно быть отличено в каждом наречии и местном говоре отдельно» [37].

Интересны мысли И. И Срезневского, высказанные в статье «Замечания о материалах для географии русского языка» [38], где он подходит к идее лингвистического картографирования. Указав на необходимость изучения местных говоров, И. И. Срезневский пишет: «Первой принадлежностью... лингвистической географии должна быть... карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов. Границы языка обведены как границы государства, границы его наречий — как границы областей, границы местных говоров каждого из наречий — как границы округов и волостей каждой области» [39].

В это же время начинают разрабатываться вопросы исторической диалектологии. Этой теме посвящена работа П. А. Лавровского о языке северных русских летописей, где автор исследует древнее новгородское наречие [40]. «Цель настоящего рассуждения,— пишет П. А. Лавровский,— состоит в том, чтобы на основании русских летописей обозреть черты древнего языка в одной из половин великого нашего отечества, именно в северной России, и указать на то, когда и каким образом эти черты забылись и заменились новыми. Одним из главных предметов при этом обозрении было наречие новгородское... Поэтому вместе с общими чертами языка древнего русского, я старался показать и те особенности, которые отличают новгородское наречие как местное» [41]. Изучение одного из русских диалектов в его историческом развитии подводило вплотную к постановке вопроса о создании исторической диалектологии как самостоятельной отрасли науки о русском языке.

---

[37] И. И. Срезневский. Указ. соч., стр. 98—99.

[38] «Вестник имп. Русского географического общества», 1851, ч. I, кн. 1.

[39] И. И. Срезневский. Замечания о материалах для географии русского языка, стр. 6.

[40] П. А. Лавровский. О языке северных русских летописей. СПб., 1852.

[41] П. А. Лавровский. Указ. соч., стр. 3—4.

Изучение фактов языка, отразившихся в древней письменности, и сопоставление их с данными современных диалектов в работах позднейших исследователей получило дальнейшее развитие и принесло большие результаты.

Качественно новый этап в русской диалектологии начался с работ А. А. Потебни. Этот этап характеризуется углубленным изучением диалектных фактов с широкой исторической перспективой и твердой опорой на современные диалекты. В исследовании «О звуковых особенностях русских наречий» (Воронеж, 1866) А. А. Потебня останавливается на взаимоотношении русского и украинского языков (украинский язык Потебня называет наречием) и на степени древности их особенностей. В этом исследовании А. А. Потебня рассматривает большое число фактов, извлеченных из памятников письменности, и сочетает их с данными современных говоров. Поэтому все исследование имеет глубокий и подлинно научный характер.

Белорусский язык А. А. Потебня считает частью великорусского на том основании, что все белорусские языковые черты можно встретить в каком-либо из великорусских говоров. Великорусское наречие А. А. Потебня делит на два поднаречия — северновеликорусское и южновеликорусское и дает каждому из них научную характеристику.

Характеристика говоров у А. А. Потебни — это уже настоящий научный анализ с объяснением языковых фактов говоров (а не только с перечислением их), с подробным описанием звуковой системы и историческими комментариями к ней. Большой интерес представляют замечания А. А. Потебни о безударных гласных в южновеликорусских говорах и о зависимости их изменений от положения относительно ударения. А. А. Потебня приводит схему распределения силы слогов в зависимости от ударения и указывает, как изменяются безударные гласные в этих позициях.

В этой работе А. А. Потебня точно устанавливает различия великорусского и украинского языков, вносит ясность в этот вопрос, который так занимал и волновал его современников (М. А. Максимович, М. П. Погодин и др.).

После работ А. А. Потебни стали уже невозможны широкие обобщения без достаточного материала, обобщения, которые хотя и привлекали своим романтическим размахом, но не отражали объективного положения вещей. Невозможно также стало и простое перечисление диалектных фактов без их осмысления, объяснения и исторического комментария. Работы А. А. Потебни направили исследователей на изучение материала, главным образом на изучение звуковой стороны говоров и их грамматики. Таковы, например, работы М. А. Колосова, который непосредственно обратился к изучению диалектного материала и достиг в этом направлении известных результатов. Помимо печатных источников [42], он опирался на собственные записи, которые собрал во время поездок с целью изучения северных говоров [43].

Работы М. А. Колосова содержат большой по тому времени диалектный материал, в значительной степени собранный им самим, однако степень точности его записей невелика. Кроме того, в ряде случаев его обобщения выходят за пределы собранного конкретного материала и не подтверждаются им. Вместе с тем М. А. Колосову не удалось дать целостного описания какого-либо одного говора или группы говоров. Виною этому является экстенсивное, по выражению одного из рецензентов, изучение им диалектного материала. Тем не менее работы М. А. Колосова представляют собой попытку строить какие-либо обобщения не вообще, а на конкретном диалектном материале, причем не только извлеченном из печатных источников, но и записанном непосредственно от носителей того или иного диалекта. В этом, во многом еще несовершенном подходе уже сказывается стремление по-новому изучать говоры русского языка, но в целом работы этого автора устарели уже к концу XIX в.

---

[42] М. А. Колосов. Материал для характеристики северновеликорусского наречия. «Варшавские университетские известия», 1874, № 5.

[43] М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. «Сборник ОРЯС АН», т. XVII. 1877, № 3; см. также: Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.

Начальные этапы развития науки о русских народных говорах характеризуются постепенным изменением соотношения между изученным фактическим материалом и построенными на нем теориями. Русские ученые все больше и больше обращаются непосредственно к материалу и, только опираясь на него, пытаются строить свои выводы. Пристальное изучение материала народных говоров широко развернулось в последующее время и позволило сформулировать новые и более точные теоретические положения на основе которых диалектология оформилась как научная дисциплина.

С. С. Высотский

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В КОНЦЕ XIX в. И В НАЧАЛЕ XX в.

(до Великой Октябрьской социалистической революции)

I

Характерной чертой развития русской диалектологии можно считать то, что она постепенно выделилась как самостоятельная отрасль знания не только на базе чисто описательных «обобщений» некоторых «особенностей» народных говоров, но и на основе разработок древней и современной истории русского языка, а также изучения народного творчества и этнографии. В этом ярко сказывается неразрывная связь диалектологии с историей языка и историей народа.

Путь русской диалектологии с 80—90-х годов XIX в. до Великой Октябрьской революции трудно представить себе в виде отдельных этапов, резко отграниченных один от другого во времени. Скорее можно заметить подразделения иного рода — «циклы» преобладающих научных интересов и методов работы с их практическими результатами, причем эти «циклы» проникают один в другой, представляя известную преемственность.

Последние десятилетия XIX в. ознаменовались значительным развитием сравнительно-исторических и диалектологических разработок в области русского языка,

что диктовалось общим уровнем филологической науки в период расцвета младограмматического направления. Перед русскими учеными стояла главная задача — создание истории родного языка, а для этого было необходимо расширить изучение ее основных источников: с одной стороны — памятников письменности и с другой — живых народных говоров. Если изучение языка отдельных памятников древнерусской письменности к 80—90-м годам XIX в. было значительно продвинуто вперед, то русская диалектология как самостоятельная отрасль изучения языка еще недостаточно четко определилась в своих основных контурах, хотя после трудов В. И. Даля, А. А. Потебни, М. А. Колосова она уже обладала до некоторой степени сложившейся традицией специального исследования и могла опереться на довольно обширный фонд собранных диалектологических материалов, главным образом словарных («Опыт областного великорусского словаря» с «Дополнением» к нему — издание Академии наук; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля).

Известная сводка сведений по фонетике и грамматике русских говоров, которую в свое время сделал М. А. Колосов [1], скоро перестала отвечать новым требованиям, поскольку ее автор был вынужден суммировать не всегда полноценный по качеству материал, не указывая, где распространена та или иная языковая черта и не давая общей характеристики отдельных говоров. К тому же указанная работа М. А. Колосова к концу XIX в. устарела и с фактической стороны; после ее выхода в свет появилось еще несколько диалектологических статей и много публикаций нового материала, преимущественно фольклорного и краеведческого характера, где встречались сведения о народных говорах. Новые диалектологические данные необходимо было приобщить к собранным прежде, точно определить географическое размещение отдельных языковых явлений, наметить хотя бы в основных чертах наиболее крупные группировки говоров, дать их языковую характеристику, указать местоположение этих группировок в России.

---

[1] М. А. Колосов. Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.

Поставленную задачу в значительной мере выполнил уже в то время крупный исследователь и историк русского языка А. И. Соболевский, с именем которого связана эпоха развития русского языкознания на рубеже XIX—XX вв., когда уточнялись задачи и возможности русской диалектологии, выяснялась специфика ее как отдельной дисциплины в общем круге филологических наук.

А. И. Соболевский на основании анализа памятников письменности выявил наличие древнерусских говоров и этим самым положил основание исторической диалектологии. Изучение древних и современных русских говоров в сравнительно-историческом плане показало их историческую преемственность и закономерность языкового развития, неразрывные связи и в то же время специфику двух разделов истории языка — исторической и современной диалектологии.

Читая в Петербургском университете лекции по истории русского языка и всегда привлекая данные русских говоров на различных этапах их исторического развития, А. И. Соболевский со временем выделил самостоятельный курс «Русской диалектологии», что было новаторством в практике университетского преподавания.

Первоначально литографированный курс лекций перерабатывается автором в «Очерк русской диалектологии» [2], заключающий в себе описание говоров всех восточнославянских языков, а не только русского, как сказано в заголовке. (Последнее обстоятельство было вызвано тем, что в науке того времени было широко распространено антиисторическое по сути представление о несамостоятельности украинского и белорусского языков по отношению к русскому.) Первая часть «Очерка русской диалектологии», содержащая сведения только по русским и белорусским говорам, переиздана в 1897 г. под названием «Опыт русской диалектологии»; вторая часть, посвященная украинским говорам, так и не вышла, хотя автор предполагал выпустить ее через некоторое время, после накопления новых и проверки старых данных, особенно недостаточных по этому разделу.

Оценивая первый курс диалектологии, необходимо учесть степень подготовки материалов, которыми мог

[2] Напечатан в журнале «Живая старина» (1892, вып. I—IV).

оперировать диалектолог в тот период развития науки. А. И. Соболевскому пришлось проделать громадную работу по собиранию печатного материала, разыскиванию диалектологических сведений в различных книгах, журнальных статьях, иногда в малоизвестных провинциальных изданиях; делать выборки из рукописного материала в архиве Русского географического общества, где хранились ответы на разосланные в середине XIX в. «программы» — вопросники краеведческого содержания. Полученная сводка почти исчерпывала известные тогда в литературе данные по русским говорам. Однако сам автор, видя необходимость более основательного построения науки о диалектах, был не удовлетворен содержанием собранного материала из-за его скудности и отрывочности. Дать равномерную и полную диалектологическую характеристику всех местностей России оказалось невозможным. Все же А. И. Соболевскому удалось сделать важный шаг вперед: не только привести в известность обширный диалектологический материал, но и выявить — хотя и в самых общих чертах — местоположение основных русских говоров, указав на их некоторые типичные языковые признаки, положить начало методике систематического изложения этих сведений. Тем самым была дана первая схема новой науки — русской диалектологии, которая определялась самим автором как наука вспомогательная для построения истории языка. А. И. Соболевский полагал, что поскольку в диалектах сохраняются некоторые явления, отсутствующие в литературном языке, изучение их может способствовать реконструкции форм общерусского языка. Знание современных диалектных фактов может также помочь объяснению темных мест памятников письменности. Как вспомогательная наука диалектология послужит и для изучения истории страны, поскольку историки сталкиваются с вопросами (например, о происхождении населения), разрешению которых могут содействовать данные местных говоров.

Как видно, на первых порах значение диалектологии понималось в несколько утилитарном плане. Ряд существенных ее проблем, в том числе вопрос о закономерностях развития диалектов в составе общенародного языка, о взаимоотношении диалектов с литературным

языком и т. д., не затрагивался совсем, как не ставилс еще и вопрос о «языковой системе».

В своей работе над материалами, записанными чащ всего не диалектологами, а этнографами, фольклориста ми (а еще чаще — просто любителями), А. И. Соболев ский применял метод, обычный при анализе памятнико письменности: исследователь был вынужден угадывать что именно кроется под буквой, насколько точно отражае графика факты языка и, главное, какое место занимае записанный языковой факт в фонетической и граммати ческой структуре говора, что нередко было невозможн вскрыть из-за небольших размеров наличного текста связи с недостатком в последнем примеров, необходи мых для разрешения задач исследования.

Если наблюдателю живой речи во многих случая представляется почти неограниченная возможность дл проверки употребительности и продуктивности какого либо явления в говоре, то А. И. Соболевскому, использо вавшему лишь чужие и к тому же отрывочные записи приходилось делать заключения, опираясь на обширные но все же не полные сведения (которыми тогда опери ровала наука о языке), а также полагаясь на свою ин туицию. Исключительные исследовательские способности знание древнерусской литературы, владение методо тонкого анализа позволили А. И. Соболевскому открыт ряд основных положений, вошедших в фонд науки о рус ском языке, но отдельные его выводы все же потребо вали впоследствии значительного обновления. Кром того, А. И. Соболевский, нередко обнаруживая неполно ценность материалов, вынужден был все же использо вать их для истолкования какого-либо языкового явле ния. Это выработало у ученого повышенную осторож ность, часто вынуждающую его оставаться в плоскост эмпиризма и отказываться от плодотворных обобщений Он нередко сам подчеркивал эту свою особенность, ста тичность позиций и осуждал представителей молодог поколения ученых, которые в научно-исследовательски приемах допускали применение смелых гипотез.

Но нельзя забывать, что именно благодаря первы обобщающим работам А. И. Соболевского в области диа лектологии открылась широкая перспектива для е дальнейшего развития. Стало ясным, какие разделы дан

ной науки требуют в первую очередь подкрепления свежим материалом. Вновь встала необходимость четкого разрешения проблем, касающихся самого существования говоров, развития их системы, их географических границ; выявилась необходимость организации диалектологических исследований на более широкой основе, чем это делалось прежде,— с привлечением данных по лексике и синтаксису народных говоров. Встал вопрос о повышении качества собираемого материала, который до сих пор поступал преимущественно стихийно и главным образом от краеведов-любителей, часто не имевших подготовки в области языкознания. Появление трудов А. И. Соболевского, его постоянное обращение к фактам живых говоров для подкрепления выводов, касающихся истории языка (в его «Лекциях по истории русского языка», а также в многочисленных статьях и рецензиях, посвященных этой теме),— все это способствовало общему подъему диалектологии, так как побудило многих языковедов заняться уже непосредственным сбором диалектологического материала на местах и его сравнительно-историческим анализом.

Для данного этапа развития диалектологии характерен быстрый рост числа публикаций научных статей, более или менее глубоких заметок, касающихся в основном современного состояния говоров не только русского, но также белорусского и украинского языков. Как на своеобразное явление можно указать на расширение интереса к диалектологическому краеведению в различных местностях России. Авторы, по большей части преподаватели средней и начальной школ, считали своим долгом описать говор местности, в которой они жили (иногда свой родной говор). Обширность привлекаемого материала и его подлинность в значительной мере возмещали известные недостатки наблюдений, проведенных часто без необходимой научной тщательности. Некоторые из таких описательных работ являлись плодом многолетнего собирания материалов и вышли в свет еще до диалектологических обобщений А. И. Соболевского. Но встречаются и прямые указания молодых авторов, что их работы возникли под влиянием знакомства с «Очерком русской диалектологии»; многие работы обнаруживают структурную зависимость от него, причем это по

большей части подтверждается соответствующими ссы
ками на исследования А. И. Соболевского [3].

«Очерк народных говоров Воронежской губерни
К. Филатова создан, главным образом, на материа
записей песен. Автор, местный уроженец, еще не отда
себе полностью отчета о недостатках такого метода, хо
и упоминает о необходимости дополнения собранных
материалов путем наблюдения живой разговорной реч
что он и собирался сделать во время специально пре
принятых поездок в разные концы Воронежской губе
нии. Недостаточное понимание того, что в говора
имеется определенная языковая система (к этому поним
нию многие исследователи подходили тогда лиш
стихийно и ощупью), является причиной ряда существе
ных ошибок этой статьи, часто вызванных неправил
ностью метода работы, который К. Филатову пришло
отыскивать самостоятельно. Автор исследования смеш
вает, произвольно группирует языковые примеры
разных мест Воронежской губернии; фонетику говоро
изучает без учета особенностей положения звуков
слове; отмечает не систему, а лишь некоторые «выда
щиеся особенности» морфологии говоров; что касает
синтаксиса, то, по словам автора, он «эту особенност
упустил из виду». Таким образом, исследование К. Ф
латова по большей части представляет фактически о
ширный, но сырой материал, который интересен лиш
как образец фиксации некоторых диалектных черт
воров части южновеликорусского наречия на ранне
этапе развития русской диалектологии.

По типу изложения материала аналогичное явлен
представляют несколько статей М. Г. Халанского, так
описывающего говоры своей родины — Курской губе
нии. В ранней работе «Сведения и заметки о говора
русского языка» [4] и в более зрелой «Народные говор
Курской губернии» (СПб., 1904) он приводит мно
фактов, в том числе малоизвестных, характерных д
ряда южновеликорусских говоров, причем делает попы

[3] См. К. Филатов. Очерк народных говоров Воронежск
губернии. «Русский филологический вестник», 1897, т. XXXVI
№ 3—4, а также статью П. Чудовского «Материалы для изучен
белорусских говоров» (сам же, 1898, т. XL, № 3—4).

[4] См. «Русский филологический вестник», 1889, т. XXI, № 1.

ки (нередко малоосновательные) выявить в пределах этих говоров некие внутренние объединения и границы между ними. В процессе работы автор встретился с трудностями особого рода: сложностью генезиса южновеликорусского населения с его разделением на этнографические группы (так называемые саяны, ягуны, цуканы и др.), которые имеют свои языковые особенности, входящие в сложные взаимоотношения с общими территориальными чертами южновеликорусского наречия. Труд М. Г. Халанского, как это ясно выразил сам автор, не был доведен до желательной степени полноты и законченности. Однако он принес большую пользу, поскольку в известной мере подготовил почву для будущего более систематического обследования диалектов этой чрезвычайно важной для лингвистической географии русского языка территории.

Большое влияние А. И. Соболевского обнаруживается в ранних работах его ученика Н. М. Каринского, пришедшего, как и А. И. Соболевский, к занятиям современной русской диалектологией от углубленного изучения памятников письменности и древнерусских диалектов. Навыки исследователя древних текстов, привыкшего обычно истолковывать «чужие» записи, всегда неполные в каком-либо отношении, Н. М. Каринский расширил, так как он владел методами непосредственных диалектологических наблюдений и записи живой речи. В своих известных исследованиях псковских памятников письменности Н. М. Каринский сопоставляет их языковые черты с чертами современных говоров той же области. Статья «О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа» [5] целиком посвящена современному состоянию говоров. Обнаружив изменение одних и сохранение других языковых явлений, Н. М. Каринский стремится не только отметить их, но и объяснить причины, вызвавшие развитие говора, причем особо обращает внимание на «смешанность» всех говоров. Автор придает этому моменту чрезмерное значение, что в дальнейшем увело его от правильного представления о единстве языковой структуры как народного говора, так и общенародного языка. Уже в первых диалектологиче-

[5] «Русский филологический вестник», 1898, т. XL, № 3—4.

ских описаниях Н. М. Каринского, при всей его наблю дательности по отношению к отдельным языковым фа там, ясно ощущается источник будущих отклонени ученого от исследования языковой системы говоров недостаточное внимание к систематической группировк фактов, слишком суммарное в ряде случаев изложени материала, не всегда точное разграничение живого про цесса в говоре с его результатом; показ не всей языко вой системы, а в основном только «редкостей» и «особен ностей». Все эти черты метода, ведущие прямую лини от «Очерка русской диалектологии» А. И. Соболевского оказались впоследствии не оправданными научной прак тикой, что заставило Н. М. Каринского в дальнейше искать новых путей.

К этому же этапу развития русской диалектологии всецело относятся первые монографии Е. Ф. Будде- его диссертации, посвященные историко-сравнительном изучению народных говоров Рязанской области: «К диа лектологии великорусских наречий» (Варшава, 1892) «К истории великорусских говоров» (Казань, 1896), а также ряд диалектологических статей — отчетов о по ездках в Тульскую, Калужскую, Орловскую и други губернии [6], написанных на основании непосредственных хотя и не всегда планомерных наблюдений над гово рами. Влияние школы Ф. Ф. Фортунатова, последователем которого считал себя Е. Ф. Будде, проявилось в его исключительном интересе к фонетике говоров в тонкости фонетических наблюдений при характеристи ке оттенков отдельных звуков. Однако Е. Ф. Будде не принял участия в разработке актуальных вопросов, ка сающихся понятия системы говора, что на практик тогда проводили диалектологи — ученики Ф. Ф. Форту натова (см. стр. 40 и след.), и этим резко отделился от по следних, объективно примыкая в области понимания на учного метода к идеям А. И. Соболевского. Вследствие этого при детальном описании отдельных элементов го вора Е. Ф. Будде нередко не вскрывал их внутренней структурной связи; так, проводя в течение ряда лет и в широких масштабах наблюдения над южновеликорус

[6] См., например, «Известия ОРЯС АН», 1898, т. III, кн. 3; «Сборник ОРЯС АН», т. LXXVI, 1904, № 1.

ским наречием, он не уделил достаточного внимания предударному вокализму и не понял всего его значения для характеристики южновеликорусских говоров. Впоследствии он даже не соглашался с мнением тех диалектологов (например, Н. Н. Дурново), которые утверждали, что в современных говорах существуют различные и точно определяемые типы яканья и т. п.[7]

Отношение к процессу развития говора как к ряду актов механического смешения заимствований, без учета внутреннего развития самого строя говора, теряющего старые и приобретающего новые качества, заставило Е. Ф. Будде принимать некоторые диалектные явления за факты древнего, даже доисторического происхождения. На основании этих утверждений он нашел возможным сделать смелые исторические выводы о происхождении ряда русских говоров, испытавших территориальные перемещения и различного рода изменения в своем строе якобы лишь в прямой связи с миграцией и смешением древнерусских племен. Однако неубедительность такой исторической и филологической аргументации, ошибочно предполагавшей существование непосредственной связи современных говоров с древними восточнославянскими племенами и их диалектами, была отмечена критикой еще в то время, например в отрицательных по существу рецензиях В. Ф. Миллера[8] и А. А. Шахматова[9].

Все же общее направление трудов Е. Ф. Будде обнаруживает постепенное приближение к строгому научному методу и отнюдь не исчерпывается только недостатками его практики по собиранию и интерпретации фактического материала. Он был одним из первых диалектологов, предпринявших ряд диалектологических поездок по России, имея определенную научную цель. Поставленная им задача — выявление языковых следов «коло-

---

[7] См. Е. Ф. Будде. Научное значение «Диалектологических разысканий» последнего времени. «Известия ОРЯС АН», 1918 т. XXIII, кн. 2; подробнее о научном методе Е. Ф. Будде см. С. Е. Высотский. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка», вып. 6, 1949.

[8] См. «Этнографическое обозрение», 1897, №1.

[9] См. «Сборник ОРЯС АН», т. XLVI, 1898, № 2.

низации вятичей» — неверно разрешалась автором в силу недостаточного общего уровня лингвистической и исторической науки, упрощенно подходивших в то время к вопросам взаимоотношения истории языка и истории народа. Но в результате поездок Е. Ф. Будде в научном обращении появился новый громадный материал, собранный в разных (часто не исследованных еще в диалектологическом отношении) местностях России. Этот материал в дальнейшем неоднократно использовался в многих работах других авторов, в курсах истории языка и диалектологии, не раз служил стимулом для проведения целого ряда сравнений и постановки новых исследовательских задач. В ряде работ Е. Ф. Будде, например в статье «Об источниках для истории русского языка и о методах изучения их» [10], высказаны плодотворные мысли о необходимости сравнительно-исторического изучения живых говоров и сопоставления их с данными памятников письменности, о значении диалектологии для развития истории языка и смежных гуманитарных дисциплин, в том числе этнографии и истории народа. Эти высказывания сохраняют известное значение и в наше время.

II

Первые историко-диалектологические работы видного представителя школы Ф. Ф. Фортунатова — А. А. Шахматова открыли на рубеже XIX—XX вв. новый этап развития русской диалектологии. Вслед за А. А. Шахматовым выступили его единомышленники — также ученики Ф. Ф. Фортунатова — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков и др., продолжавшие разрабатывать в первые десятилетия XX в. наиболее плодотворные идеи школы Ф. Ф. Фортунатова.

При этом в процессе упорной работы по накоплению свежего диалектологического материала совершенствовался научно-исследовательский метод и выковывались более четкие представления о закономерностях развития языка. Творческий метод А. А. Шахматова послужил образцом для целого поколения диалектологов. Он

[10] См. «Уч. зап. Казанского университета», 1893, кн. VI.

характеризуется глубоким пониманием исторического и современного языкового материала и вместе с тем смелыми поисками новых путей его интерпретации, умением создавать рабочие гипотезы, на базе которых могли бы вырабатываться твердые научные положения, обосновывающие дальнейший рост русского языкознания.

Филологические интересы А. А. Шахматова развивались в аспекте истории языка, в значительной мере — в области исторической фонетики. Изучение последней только на основе показаний памятников письменности уже не представляется ученому вполне достаточным: он обращает внимание на живые говоры как на второй очень важный источник историко-фонетических изучений. По мнению А. А. Шахматова, детальное сравнительно-историческое исследование современных говоров, особенно с фонетической стороны, может в лучшей степени осветить состояние древнерусских говоров, поскольку памятники, отражающие язык своего времени несовершенными способами письма, скованными к тому же традицией, могут быть далекими от живой речи соответствующей эпохи.

Лишь в нескольких трудах (если не считать обширной работы по редактированию материалов, собранных другими диалектологами) А. А. Шахматов направляет свое внимание исключительно на современное состояние русских говоров, да и то с целью выявить фонетические обоснования создаваемых им теорий по исторической фонетике. Так, в работе «Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров»[11] А. А. Шахматов дает характеристику одного из древнейших, по его мнению, типов аканья. В дальнейшем эта идея освещается в ряде специальных разработок по истории русского вокализма[12]. В статье «Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии»[13] сосредоточен материал для дальнейших выводов ученого о древнерусских

---

[11] См. «Русский филологический вестник», 1896, т. XXXVI, № 3—4; 1897, т. XXXVIII, № 3—4.

[12] См., например, А. А. Шахматов. Русское и словенское аканье. «Сборник в честь Ф. Ф. Фортунатова». СПб., 1902; его же. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», т. II, Пг., 1915.

[13] См. «Известия ОРЯС АН», 1913, т. XVIII, кн. 4.

акцентологических отношениях, отраженных в современном вокализме некоторых говоров в виде двоякого произношения *о*.

Многие другие работы А. А. Шахматова также построены на обильном использовании фактов как исторической, так и современной диалектологии, тесно связаны с общими проблемами изучения народной речи, хотя одни из них относятся исключительно к области исторической фонетики (без достаточного внимания к другим сторонам языка, в чем сказывалось влияние школы Ф. Ф. Фортунатова), а другие — к области истории восточнославянских племен и народов в связи с историей их языков и диалектов.

В последовательной цепи работ А. А. Шахматова можно наблюдать как постепенное созревание научных идей, так и постепенное освобождение от недостатков научного метода более ранних этапов диалектологии, накопление и уточнение знания фактического материала.

Немало противоречий обнаруживают вначале взгляды ученого на вопросы закономерности развития отдельных языковых явлений. С одной стороны, им допускалось безграничное расширение идеи о «собственном» фонетическом изменении звуков. А. И. Соболевский в своей критической оценке работы А. А. Шахматова «Исследование в области русской фонетики» был прав, указывая, что ее автор слишком многое объясняет посредством звуковых переходов, тогда как существуют и другие причины языковых изменений, обусловленные в конечном счете морфологической, лексической аналогией, прямым заимствованием из другого говора или языка и т. д. Этот недостаток сказывался на характере первых работ А. А. Шахматова, когда он — в соответствии с принципами своего учителя Ф. Ф. Фортунатова — стремился изучать звуки речи «сами по себе», а не в составе слова, не в морфеме; эта точка зрения прямо высказана им в отзыве на диссертацию Е. Ф. Будде.

С другой стороны, в первых исследованиях А. А. Шахматова нередко проступает одностороннее отношение к природе языкового процесса, напоминающее концепцию А. И. Соболевского о статичности языковых явлений, якобы не развивающихся, а лишь вступающих в течение своей истории в различные механические комбинации с

другими языковыми явлениями. В силу этого некоторые особенности современных говоров выводились А. А. Шахматовым прямо из соответствующих явлений говоров древнерусского языка; мысль о том, что отдельные диалектные черты могли возникнуть в поздние эпохи развития языка и не иметь прямого источника в древнем языке, хотя и не была чужда А. А. Шахматову, но никогда не находилась у него на первом плане исследования.

Из-за недостаточности накопленных диалектологических сведений не было тогда и четких представлений о том, что некоторые сходные или даже одинаковые языковые черты, образующие определенные ареалы в различных местах, совсем не обязательно восходят к одному источнику, а могут иметь разное происхождение, относиться к разным эпохам, представлять собою следствие разных причин. Так, формальное сопоставление данных о шепелявении в ряде русских говоров с аналогичным явлением в польском языке послужило источником ошибочной гипотезы А. А. Шахматова о том, что шепелявение будто бы везде является следом языка переселенцев с запада: польских племен в доисторическую эпоху — в одних местах, в других — следом языка польских полонянников XVII в. Однако вскоре выяснилось, что шепелявящие говоры широко распространены в разных, иногда очень отдаленных друг от друга областях России, в частности сплошными массивами на востоке и северо-востоке, в непосредственном соседстве с неславянскими языками, имеющими ту же особенность консонантизма. Необходимость пересмотра утверждений об обязательно «ляшском происхождении» таких говоров вскрылась постепенно, когда практика показала, что изучение отдельных диалектных черт следует производить без отрыва от изучения всей структуры говора с учетом местных исторических условий [14].

---

[14] Впоследствии гипотеза А. А. Шахматова была подвергнута обстоятельной критике в статье П. А. Расторгуева «К вопросу о ляшских чертах в белорусской фонетике» («Труды Комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, 1927), а позднее более детально в статье Р. И. Аванесова «Вопросы образования русского языка в его говорах» («Вестник Московского университета», 1947, № 9), где вопрос рассматривается в связи с историей восточнославянских племен.

Поискам правильного диалектологического метода содействовала живость и гибкость творческой мысли А. А. Шахматова и постоянное обновление выдвигаемых им научных гипотез и обобщений. При этом нельзя, однако, не отметить, что его гипотезы иногда все же отрываются от последовательного истолкования собранных к тому времени фактов (как известно, А. И. Соболевский резко выступал против этого, рекомендуя в первую очередь довольствоваться простой регистрацией и группировкой наличных диалектологических данных). А. А. Шахматов активно изучал живую речь, применяя метод личного диалектологического наблюдения, для чего предпринял ряд поездок в Олонецкую, Минскую, Калужскую, Рязанскую губернии и другие местности.

В результате А. А. Шахматовым были найдены и впервые объяснены чрезвычайно важные по своему значению для истории языка диалектные явления, из которых одни прежде пропускались неопытными наблюдателями, а другие хотя и попадали в научное обращение, все же не были поняты до конца. Достаточно упомянуть об его записях олонецкого говора, характеризуемого особым явлением вокализма — «ляпаньем» (которое недостаточно изучено даже в настоящее время), о синтаксическом материале из фольклорных записей в Олонецкой и Архангельской губерниях, о его записях говоров, имеющих один или два дифтонга в системе вокализма.

Расширение А. А. Шахматовым фонда диалектологических данных и распространявшаяся мысль о существовании звуковой системы языка направили внимание русских диалектологов на исследование живых закономерностей изменения звуков в зависимости от их положения в слове (необходимость, далеко не в полной мере осознанная в то время даже такими крупными учеными, как А. И. Соболевский и Е. Ф. Будде, так и не поняв-ших из-за этого природы южновеликорусского вокализма).

Судя по ранней работе А. А. Шахматова «Исследование в области русской фонетики» [15], посвященной ана-

[15] См. «Русский филологический вестник», 1893, т. XXIX, № 1, 2; т. XXX, № 3, 4; 1894, т. XXXI, № 1—2.

лизу вокализма русского языка в его говорах, можно заключить, что автор еще недостаточно расчленяет явления предударного и заударного вокализма, что ему, как и другим языковедам того времени, еще неизвестен характерный и сложный тип предударного вокализма — диссимилятивное аканье. Так же, как и А. И. Соболевский в своем «Очерке русской диалектологии», А. А. Шахматов приводит в качестве простого смешения примеры типа *выдá*, *вады́*, которые в ряде говоров встречаются рядом. Но уже в следующей работе «Звуковые особенности ельнинских и мосальских говоров» А. А. Шахматов определяет решающую роль гласного ударного слога в системе архаичного южновеликорусского предударного вокализма и этим самым открывает для русской диалектологии новый раздел фонетических отношений, специфичных в основном для южновеликорусского наречия. До этого языковедам была более знакома другая зависимость, определяющая позиционные изменения гласных в славянских языках, в том числе в русском и в особенности в его окающих говорах: влияние на гласный твердости или мягкости следующего согласного.

В представлениях о южновеликорусском вокализме открытие А. А. Шахматова произвело переворот. Следующие диалектологические наблюдения многих авторов ожидал еще больший успех, так как исследователи были уже ориентированы в отношении вновь найденных закономерностей и не пропускали не замечаемых прежде фактов. Оказалось возможным прочесть заново и старые диалектологические материалы. Так, занимавшийся историей языка ученик А. И. Соболевского Л. Л. Васильев тщательно изучил обширные записи курского этнографа А. С. Машкина, сделанные еще в середине прошлого века, и вскрыл закономерности одного из самых сложных типов южновеликорусского вокализма (яканье обоянского типа) как в отношении состава гласных, так и в отношении воздействия последних на качество гласного предударного слога [16]. Значение работы Л. Л. Васильева не исчерпывается ее практиче-

[16] Л. Л. Васильев. Гласные в слоге под ударением в момент возникновения яканья в Обоянском говоре. «Известия ОРЯС АН», 1904, т. IX, кн. 1.

скими результатами, касающимися только обоянского говора, так как полученные выводы послужили впоследствии ключом к объяснению предударного вокализма многих других южновеликорусских говоров, которые, как оказалось, образуют в этом отношении ряд последовательных ступеней фонетического развития.

Такие открытия, ставшие возможными при обработке материала на новых основаниях, содействовали более глубокому пониманию языковой системы, чего явно недоставало на предыдущих этапах развития диалектологии. Если раньше господствовала общая установка выискивания диалектных «редкостей», экзотических примеров, которыми были насыщены даже самые основательные первые сводки материалов (такие, как «Очерк русской диалектологии» А. И. Соболевского и описания рязанских говоров Е. Ф. Будде), то теперь становилась очевидной необходимость всестороннего изучения говора как целой языковой системы во всех ее деталях.

Это явилось конкретным выражением развития прогрессивных сторон фортунатовского направления в русском языкознании. Преимущественное внимание к фонетике, характерное для того времени, сделало эту область языкознания непосредственной сферой применения и испытания новой методики, в которой проверялись на практике и уточнялись элементарные и сложные понятия о языковой системе говора. Еще в ранний период своей деятельности А. А. Шахматов (в работе «Исследование в области русской фонетики») высказывает сожаление, что у него мало фактических сведений, чтобы представить все отношения звуков в современных русских говорах, и он не имеет точных данных об их современном звуковом составе. Следует заметить, однако, что известные уже тогда идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ о принципах определения элементов фонетической системы были еще недостаточно освоены и не разработаны на русском диалектологическом материале. Даже сравнительно поздние работы А. А. Шахматова (например, «Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии») представляют смешение понятий фонемы и ее фонетических разновидностей, что наблюдается и в первых работах такого тонкого фонетиста, как Н. Н. Дурново.

Постепенно намечаются пути усовершенствования описания морфологических (в меньшей мере лексических и синтаксических) сторон говора. Понятие о «системе» заставляет планомерно регистрировать и сопоставлять языковые факты, не только «отличающиеся» от литературного языка, но и «совпадающие» с ним (что, в сущности, и натолкнуло в свое время А. А. Шахматова на открытие диссимилятивного аканья).

Замечательная для своего времени по полноте охвата языковых явлений монография Н. Н. Дурново «Описание говора д. Парфёнок Рузского у. Московской губ.»[17] является одним из первых опытов описания системы русского говора. Несмотря на близость этого подмосковного говора к устной форме литературного языка, автор не отказался от перечисления многих «общеизвестных» фактов, совпадающих с литературным языком, что вызвало тогда неправомерные нарекания со стороны представителей прежнего научного метода, по-старому предпочитавших оперировать в основном только «выдающимися особенностями» говоров[18].

Работа Н. Н. Дурново в большой мере эмпирична, перегружена второстепенными деталями; последние нередко заслоняют основные черты языковой системы. Однако архаические и новые элементы говора, степень их употребляемости и продуктивности получили здесь довольно верную характеристику; учтены и стилистические варианты и их роль в говоре, активно развивающемся под влиянием литературного языка. Многочисленные исторические экскурсы, обращения к аналогичным явлениям других славянских языков, обильные библиографические ссылки и само содержание монографии, где впервые разрабатывались такие разделы, как словообразование,— все это делает работу Н. Н. Дурново близкой по своему типу к стилистической грамматике говора; недаром она была использована впоследствии рядом начинающих авторов как образец для описания говора, а сама структура работы и намеченные в ней рубрики описания нередко служили образцом

[17] См. «Русский филологический вестник», 1900, т. XLIV; 1901, т. XLV; 1901, т. XLVI; 1902, т. XLVII; 1902, т. L.

[18] См., например, рецензию Н. М. Каринского в «Сборнике ОРЯС АН» (т. LXXXII, 1907, № 3).

также и при построении индивидуализированных программ наблюдений над диалектной речью.

Одновременно с уточнением понимания системы говора намечались и рациональные способы ее изучения и описания, разрабатывались вопросы развития говора, что не выходило за рамки собственно диалектологических проблем, но заставляло углубляться в область смежных наук — этнографию, историю, экономическую географию.

Кроме известных историко-диалектологических трудов А. А. Шахматова, появились работы различного масштаба, написанные диалектологами, этнографами, краеведами на более узкие темы, но со стремлением вскрыть социально-исторические причины, влияющие на характер изменения говоров. В ряде статей Н. Н. Дурново и других авторов встречаются попытки освещения актуального уже тогда вопроса о быстрых изменениях говора сельской местности, экономически тесно связанной с городом, фабрикой. В одной из первых диалектологических работ Н. М. Каринского — «О говорах восточной половины Бронницкого уезда»[19] уделено особенно много места «расслоению» говора, которое зависит от «культурно-возрастной» дифференциации его носителей. Если в работах многих московских диалектологов имманентному развитию говора придавалось явно преувеличенное значение, то в названной статье Н. М. Каринского наблюдается другая крайность: по мнению автора, изменение говора зависит лишь от прямого влияния городской речи, литературного языка и влияния соседних говоров (причем последнее — главным образом через смешение населения).

Такое механистически упрощенное, одностороннее понимание сущности языкового процесса в дальнейшем привело автора к неправильной оценке языковых взаимоотношений между социальными группами сельского и городского населения. Следует отметить, что ошибки такого рода были свойственны в различной степени и другим языковедам того времени, не владевшим историко-материалистическим методом научного анализа. Но эти отклонения были усугублены Н. М. Карин-

[19] См. «Известия ОРЯС АН», 1903, т. VIII, кн. 2.

ским, постепенно перешедшим от трактовки своих «возрастных», затем «этнографических» групп населения к «классовым» группам с их якобы обособленными типами языка, что автор уже прямо утверждает в своих позднейших работах (вышедших в 30-х годах).

Требование комплексного изучения исторических, этнографических и диалектологических данных выдвигается в то время в работах многих авторов. А. А. Шахматов, Е. Ф. Будде, М. Г. Халанский и другие нередко привлекают факты этнографии для подкрепления своих историко-диалектологических выводов. Прямые указания на это можно найти и у В. А. Богородицкого [20], утверждавшего, что для генеалогии говора необходимо совместное изучение языка и быта. Еще на рубеже XIX—XX вв. проводил свои наблюдения в далеких окраинах русского поселения В. Г. Богораз, опубликовавший «Областной словарь Колымского русского наречия» [21], где, кроме диалектологических сведений, находится обстоятельное историко-этнографическое описание бытовых и языковых связей между давно осевшими на Колыме русскими пришельцами и неславянским исконным населением края. Языковым результатам бытового взаимодействия различных групп населения отведено место и в других, более ранних работах, в числе которых выделяются статьи, освещающие этнографические условия столкновения русских диалектов с иными языками. Здесь можно найти высказывания о том, что русский язык «хотя и вышел победителем из трудной борьбы» с нерусским, но и сам претерпел некоторые изменения — главным образом в фонетике и отчасти в лексике [22].

Полнее всего этнографическое направление в диалектологии было представлено трудами этнографа Д. К. Зеленина, в начале своей научной деятельности уделявшего много места разработке диалектологических проблем. Взгляды на необходимость обновления методики изучения диалектов он излагает в специальной

---

[20] См., например, В. А. Богородицкий. Говор дер. Белой Казанской губ. «Русский филологический вестник», 1914, т. LXXI, № 1.

[21] См. «Сборник ОРЯС АН», т. LXVIII, 1901, № 4.

[22] См., например, В. Бартенев. О русском языке в Обдорском крае. «Живая старина», 1894, вып. 1.

статье «К вопросу об изучении социальной стороны жизни языка»[23]. По его мнению, исследование говора будет наиболее продуктивным лишь при равномерном учете всех сторон языка: звуковой, физиологической, психологической и социальной. Здесь выражена правильная идея, отвечавшая представлениям передовой лингвистической науки того времени,— о необходимости принципиального различения в общей картине постепенного изменения языка (или говора) внутренне языкового, имманентного развития и развития под действием внешних языковых явлений (в конечном итоге подражаний, заимствований, «вкладов»). Последнее более непосредственно отражает историю той социальной среды, в которой протекает жизнь языка. Однако на практике Д. К. Зеленину не в полной мере удалось применить эти установки, которым вообще не хватало историко-материалистической основы, требующей изучения также и тесных взаимосвязей между «внутренними» и «внешними» факторами развития языка. Обширная монография Д. К. Зеленина «Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации» (СПб., 1913) посвящена широкому историко-этнографическому исследованию условий распространения в народе одного фонетического новообразования — ассимилятивного смягчения задненебных. Расширение зоны данной особенности на территории русских говоров, по мнению автора, было обусловлено отчасти миграцией определенных этнографических групп населения — «однодворцев», носителей этой диалектной черты, а отчасти подражанием речи этих групп, некогда влиятельных в культурном отношении. Однако, как отмечает А. А. Шахматов в своей рецензии на работу Д. К. Зеленина[24], собственно лингвистическая и историческая стороны обобщений последнего оказались не вполне доказанными. Утверждение Д. К. Зеленина о якобы сохраняющейся повсюду речевой обособленности однодворцев, бывших представителей известного сословия, и, главное, указание автора на наличие одной об-

[23] См. «Известия ОРЯС АН», 1915, т. XX, кн. 3.
[24] См. там же.

щей диалектной черты у территориально разбросанных групп потомков однодворцев опровергаются действительностью. Хотя Д. К. Зеленин и не пытается объяснить возникновение и сохранение определенных языковых черт однодворческих групп населения какими-либо «классовыми отношениями», трактуя эти группы исключительно как этнографические (а не как «классовые» в научном понимании этого термина) единства, все же его воззрения в какой-то степени перекликаются с вульгарно-социологическими, упрощенными представлениями о влиянии социального фактора на развитие говоров, так как затемняют понятие об основном территориальном принципе диалектного членения языка русского народа.

К понятию о территориальной природе диалекта стихийно приближались многие русские диалектологи конца XIX — начала XX вв., касавшиеся изредка вопроса о сходстве и различии говоров «крестьянских» и так называемых «мещанских» как говоров, родственных между собою в пределах одной местности; причем вкладывали, хотя и без необходимой четкости, в эти термины культурно-этнографическое, а не классовое содержание.

Таким образом, на рубеже XIX—XX вв. и далее на протяжении первого десятилетия XX в. в русской диалектологии в основном вырабатываются черты, характерные для современного этапа развития науки.

Несмотря на то, что многие русские языковеды не ограничивались узкой областью описательной диалектологии, а являлись также историками языка, изучали современный литературный язык, работали в области других гуманитарных дисциплин, к этому времени возникает более четкое представление об ученом, специально занимающемся предметом диалектологии. Такие ученые, как А. А. Шахматов и многие его современники, своими трудами усовершенствовали самостоятельный раздел русского языкознания — науку о народных говорах. На этом этапе развития диалектологии уже вполне определяется собственный метод диалектологического исследования и некоторые из его главных задач: выявление фактов исторической преемственности говора и на основании их поиски и объяснение закономерностей

развития говора; складывается понятие о необходимости изучения языковой системы диалекта. Одновременно продолжается накопление и публикация новых диалектологических сведений, причем обработка материалов постепенно освобождается от присущего ей вначале эмпиризма.

В то же время повышение общего уровня диалектологии все более и более открывает перед русскими языковедами те стороны говоров русского языка, которые оставались еще не исследованными из-за недостаточности собранного материала и несовершенства его научного обобщения.

III

Естественно, что взаимодействие двух факторов, способствовавших развитию русской диалектологии,— накопление нового материала и связанное с этим повышение уровня его интерпретации — вело не только к выдвижению новых научных проблем, но и к усовершенствованию практических методов и организации исследования.

В процессе развития и разработки диалектологии стала выявляться картина глубокого и исконного единства русского национального языка во всем многообразии его территориальных говоров; обнаружилась специфика территориального размещения русских народных говоров; выяснилось, что, наряду с четкими диалектными границами в одних местах, в других представлены зоны постепенных переходов от одного говора к другому. Расширение масштабов диалектологического изучения неминуемо должно было вызвать необходимость массового и организованного диалектологического обследования с использованием единой научной методики, потребность координаций всей работы в одном центре.

Так зародились и окрепли замечательные, ставшие теперь традиционными черты русской науки о народных говорах, черты, составившие уже в то время отличие диалектологии от многих других филологических дисциплин: принципы планомерности и коллективности в приемах и организации научного исследования.

В области русской диалектологии эти принципы успешно осуществлялись силами прогрессивных ученых

во главе с А. А. Шахматовым, который в 90-х годах XIX в. уже развертывает свою научно-организаторскую деятельность. Используя уже оправдавший себя в русской науке опыт централизованной рассылки научных анкет (что было с успехом предпринято Русским географическим обществом еще в середине прошлого столетия), А. А. Шахматов организует в Отделении русского языка и словесности Академии наук диалектологический центр и составляет свои известные «программы» для собирания диалектологических сведений — вопросники, распространяемые в широких кругах общества.

Одновременно с «Программой»[25], посвященной русским говорам, по инициативе А. А. Шахматова составляются аналогичные «программы» по собиранию сведений о белорусских и украинских говорах, а в 1900 г.— объединенная великорусская «Программа», заключающая в себе переработку первых двух выпусков[26].

Сама структура вопросников и содержание их методических разделов, адресованных собирателям диалектологических сведений, показывают всю глубину поставленной задачи. Предполагалось, что полный ответ на «программу» даст представление о развитии системы говора, а не только об «особенностях», отличающих говор от литературного языка. Наряду с фонетикой большое внимание в «программах» обращено на вопросы грамматической и лексической структуры говора, на вопросы словообразования, ударения и т. д.; анализ лексики во многих случаях ставится в этнографическом плане.

На вопросники, разосланные во все концы России, главным образом учителям народных школ, были получены массовые ответы, которые после соответствующей обработки печатались в изданиях Отделения

[25] «Программы для собирания особенностей народных говоров. I. Программа для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия». Изд. ОРЯС АН, СПб., 1895 (а также в «Известиях ОРЯС АН», 1896, т. I, кн. 1); «II. Программа для собирания особенностей говоров южновеликорусского наречия».— «Известия ОРЯС АН», 1896, т. I, кн. 3.

[26] «Программы для собирания особенностей народных говоров. I. Программа для собирания особенностей великорусских говоров». Изд. ОРЯС АН, СПб., 1900.

русского языка и словесности Академии наук — в специальном разделе «Известий ОРЯС АН» под названием «Материалы для изучения великорусских говоров», а наиболее интересные ответы, имеющие вид цельных описаний говора, помещались в «Сборниках ОРЯС АН». Эти публикации еще более стимулировали собирание и изучение фактов народной речи [27].

Однако анализ массовых ответов на «программы» вскоре показал, что к их составителям — местным корреспондентам были предъявлены слишком большие требования, а работа с «программами» оказалась вообще затруднительной из-за чрезмерной обширности и сложности последних. С одной стороны, некоторые вопросы были трудными и для языковеда-специалиста, а не только для массового наблюдателя живой речи (как, например, вопросы об интонации, о некоторых тонких оттенках позиционного изменения звуков); с другой стороны, в подборе вопросов обнаружилось много мелких деталей далеко не первостепенного значения, которые перегружали и без того усложненные подробностями «программы». Кроме того, недостаточное в то время знакомство с характерными особенностями говоров заставило составителей «программы» включить в их состав некоторые вопросы о «теоретически возможных» явлениях, не известных диалектологам, что во многих случаях оказалось на практике не оправданным.

Для плодотворного продолжения массового диалектологического обследования России был составлен новый, краткий вариант «программы» (1903), охватывающий только некоторые кардинальные черты языковой структуры; в остальном наблюдателю предоставлялась возможность полной самодеятельности, направляемой лишь несколькими методическими указаниями.

Накопленный уже в первые годы свежий диалектологический материал «программ», поступающий порой

---

[27] См. публикацию «Материалов для изучения великорусских говоров». «Известия ОРЯС АН», 1896, т. I, кн. 2, 3, 4; 1897, т. II, кн. 1; 1898, т. III, кн. 1, 2; 1899, т. IV, кн. 1; 1900, т. V, кн. 2; «Сборник ОРЯС АН», т. LXXIII, 1903, № 5; т. LXXXVII, 1910, № 5; т. XCIX, 1923, № 2, 3.

из самых отдаленных и глухих углов России и составленный нередко местными уроженцами, прекрасно знающими свой родной говор, образовал громадный научный фонд, достоинства которого были так же ясны, как и его очевидные недостатки. К числу последних следовало отнести известную эмпиричность материала, порой случайность, отрывочность сведений о многих важных для истории языка явлениях, зафиксированных нередко малоподготовленным автором без достаточной глубины — в пределах, продиктованных более или менее удачно сформулированным вопросом «программы». Таким образом, выявилась необходимость проверки и дополнения многих ответов с мест и, главное, создания ряда «опорных» монографий, всесторонне освещающих особенно важные для науки говоры.

Общественные условия, в которых развивалась русская наука того времени, не давали возможности развернуть во всей широте мероприятия по изучению говоров, как этого требовала сама постановка вопроса. Однако все то, что удалось в этой области выполнить А. А. Шахматову и его соратникам, имеет громадное значение не только по своим реальным результатам, но и в деле создания образцов научно-общественной деятельности, под знаком которой в дальнейшем успешно развивалась русская диалектология.

А. А. Шахматов внимательно относился к всемерному расширению круга диалектологов — собирателей материала, рекомендовал привлекать авторов из народа, приучать местных уроженцев к наблюдению родной речи, сообщая им необходимые для этого научно-методические знания. Так, А. А. Шахматов лично содействовал появлению талантливых диалектологических записей (опубликованных несколько позже в виде статьи «Образцы говора села Леки Егорьевского уезда Рязанской губернии»[28]), сделанных местным крестьянином И. С. Гришкиным. Следует специально отметить, что автор записей сам выбрал и правильно употреблял некоторые знаки транскрипции и точно зафиксировал особенности говора (фонемы *ô*, *ê*), которое не всегда

[28] См. «Сборник ОРЯС АН», т. XCV, 1920, № 1.

сразу улавливал А. А. Шахматов, лично изучавший тот же говор. Вместе с И. С. Гришкиным А. А. Шахматов составил и списки слов, в которых находятся закрытые гласные. В этом же плане следует рассматривать и публикацию записей, сделанных крестьянами Мещовского уезда Калужской губернии [29].

Характерное явление представляли собою первые шаги научной деятельности В. И. Чернышева, впоследствии члена-корреспондента АН СССР, а в то время преподавателя народного училища, диалектолога-любителя. В. И. Чернышев в 1896 г. был привлечен А. А. Шахматовым к работе по составлению «Словаря русского языка» Академии наук, а затем сам развернул широкую деятельность в области диалектологии.

В среде филологов, окружавших А. А. Шахматова, возникла идея организации планомерных диалектологических обследований путем посылки на места языковедов-специалистов. Таким образом предполагалось собирать материал для «опорных» монографий. А. А. Шахматов участвует в выборе маршрутов и горячо одобряет стремление В. И. Чернышева исследовать в первую очередь центральные русские области, где зародилась русская государственность, оформился национальный язык.

Следует отметить, что некоторые ученые, как, например, Н. М. Каринский, еще стоявшие на старых методологических позициях в вопросах исторического развития языковой системы, оспаривали даже самую правомерность организации поездок такого рода, считая, что лучше было бы изучать «особенности» наиболее «экзотических» периферийных говоров. Однако В. И. Чернышев твердо следовал избранному плану и стал одним из первых диалектологов-«путешественников»: он обошел пешком многие местности своей родной Владимирской, а также Московской, Тверской и других губерний и создал целую серию статей — диалектологических описаний. В них с разной степенью подробности зафиксированы черты русских говоров центральных областей России, где под влиянием капиталистического

---

[29] См. В. Чернышев. Материалы для изучения говоров и быта Мещовского уезда. «Сборник ОРЯС АН», т. LXX, 1902, № 7

развития деревни на рубеже XIX—XX вв. речь сельского населения изменялась особенно быстро [30].

Помимо записей нового материала В. И. Чернышев внес большой вклад в разработку методики диалектологического обследования. Свои теоретические представления о задачах и практике диалектологической работы, где особо подчеркивается необходимость четкой «паспортизации» полученных сведений о говоре и т. п., В. И. Чернышев изложил в «Ответе на рецензию Н. М. Каринского» [31].

В значительной мере по инициативе А. А. Шахматова такие же планомерные поездки предпринимает тогда и ряд других языковедов.

Изучавший вначале народные говоры по собственной инициативе М. Г. Халанский направляется в дальнейшем исследовать южновеликорусские говоры уже по специальному поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук. В соответствии с планами Отделения путешествует по Белоруссии Е. Ф. Карский, по территории южновеликорусского наречия — Е. Ф. Будде; сам А. А. Шахматов собирает на местах данные для монографического описания калужских и рязанских говоров. По его просьбе направляются в экспедиции ученые, известные своими углубленными знаниями звуковых явлений. Так, занимавшийся тогда славистикой Д. В. Бубрих провел изучение одного сложного по своей фонетической системе владимирского говора [32].

Ученик Ф. Ф. Фортунатова, специально занимавшийся фонетикой и физиологией славянской речи, О. Брок тщательно изучает два типичных говора: один — в зоне северновеликорусского, другой — в зоне южновеликорусского наречия. Так возникли две монографии

---

[30] См., например, В. И. Чернышев. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов. «Сборник ОРЯС АН», т. LXXI, 1902, № 5; его же. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старому Московскому тракту. «Известия ОРЯС АН», 1908, т. III, кн. 1, 3.

[31] См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1904, июль.

[32] См. Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора с. Пустошей. «Известия ОРЯС АН», 1913, т. XVIII, кн. 4.

О. Брока [33], представляющие собою образцы тонкого наблюдения и детального физиологического анализа звуков речи, проведенного, однако, на слух, т. е. без применения звукозаписывающих приборов (фонографов). Нет у О. Брока и достаточно четкого отношения к фонетическому составу говора с точки зрения системы последнего; это было вообще характерно для диалектологических исследований дореволюционной поры.

В общем русле развития коллективной научной деятельности стало возможным осуществить и подготовку к работам в области лингвистической географии, поскольку изучение диалектов методами этой дисциплины становилось все более необходимым в ходе развития науки о русском языке.

Идеи картографирования отдельных языковых явлений, как и обозначения на карте местоположения целых говоров, частично уже реализовались в первых опытах составления лингвистических карт [34]. Вопросов лингвистической географии намного раньше, в 50-е годы XIX в., касался И. И. Срезневский (см. стр. 24 и след.).

Методологические и связанные с ними технические принципы предстоящего составления лингвистических карт не были еще выработаны, и поэтому не существовало и ясного представления о конечном результате предпринимаемой работы. Предполагалось, что со временем будет создан диалектологический атлас, показывающий не только пределы распространения важнейших языковых явлений, но и границы отдельных говоров и наречий. Но вначале было необходимо составить диалектологическую карту самого общего содержания.

Группа молодых московских языковедов, учеников Ф. Ф. Фортунатова и его последователей — Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и др.— организовала в 1901 г. «Кружок по изучению истории и диалектологии русского языка», где и была впервые постав-

---

[33] См. О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда. «Сборник ОРЯС АН», т. LXXXIII, 1907, № 4; его же. Говоры к западу от Мосальска. Пг., 1916.

[34] См., например, Б. Ляпунов. Несколько слов о говорах Лукояновского у. Нижегородской г. «Живая старина», 1894, вып. II; Н. Н. Дурново. Диалектологическая карта Калужской губернии «Сборник ОРЯС АН», т. LXXVI, 1903, № 1.

лена задача составления диалектологической карты и начата подготовительная работа. С помощью А. А. Шахматова деятельность «кружка» получила организационное оформление: для выполнения поставленных задач при Отделении русского языка и словесности Академии наук в конце 1903 г. на базе «Кружка» была образована Московская диалектологическая комиссия, с именем которой связан целый этап развития русской диалектологии.

В состав Комиссии, начавшей свою работу под руководством Ф. Е. Корша и при ближайшем участии А. А. Шахматова, вошли инициаторы разработок проблем русской лингвистической географии — Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов. Задача Комиссии не ограничивалась практикой составления предварительной карты русских говоров, так как для этой цели было необходимо в первую очередь развернуть разработку методических проблем, обосновывающих приемы картографирования. На регулярных заседаниях Комиссии, постепенно увеличивавшейся в своем составе (к ней вскоре примкнули Р. Ф. Брандт, В. К. Поржезинский, А. Д. Григорьев, В. А. Городцов, В. П. Щепкин, А. С. Мадуев, Б. М. и Ю. М. Соколовы и др.), обсуждались проекты «программы», методика собирания и суммирования сведений о говорах, вопросы унификации приемов транскрипции; ставились отчеты о регулярных поездках, предпринимаемых членами Комиссии для изучения на местах наиболее важных диалектных явлений.

В условиях острой полемики со сторонниками западноевропейских методов лингвистической географии (в России к их числу принадлежали А. И. Соболевский и некоторые из его последователей) члены Московской диалектологической комиссии читали теоретические доклады и помещали в журналах статьи, где освещались понятия о единстве говора как языковой системы, о характере территориальных языковых границ; впервые подробно обсуждали вопросы о процессе исторического развития говора и о необходимости различать понятия «переходных» и «смешанных» говоров. Поднимался вопрос и о способах создания лингвистических карт, построенных с учетом специфики русских диалектов; мнение Комиссии расходилось по своим

установкам с практикой зарубежной лингвистической географии, отличавшейся в то время в значительной мере эмпиризмом.

Подготовительная работа для составления карты началась с суммирования всех сведений о говорах, собранных к этому времени. Одновременно была составлена и распространена новая «программа»[35] с вопросами, изложенными более конкретно и расчлененно — в соответствии с некоторыми основными проблемами истории и диалектологии русского языка. С 1908 г. стал выходить печатный орган — «Труды Московской диалектологической комиссии», где помещались сводки прежде и вновь собранного материала, отчеты членов Комиссии, ездивших в экспедиции для изучения отдельных говоров, выявления территориальных пределов некоторых важных языковых черт (например, границы между окающими и акающими говорами; некоторые ее части «прошли» во время экспедиций Н. Н. Дурново вместе с И. Г. Голановым). В «Трудах» помещались и наиболее выдающиеся ответы на «программы», которые иногда приобретали вид развернутых диалектологических описаний, освещавших существенные разделы русской диалектологии[36], а также печатались — особенно в первых выпусках «Трудов» — теоретические статьи, обосновывающие начальные опыты русской лингвистической географии. Особенного внимания заслуживает статья Н. Н. Соколова «Определение и обозначение границ русских говоров»[37], где освещался вопрос о говорах «переходных» и «смешанных» и четко определялось отношение членов Московской диалектологической комиссии к ошибочным взгля-

[35] «Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. I. Южновеликорусские говоры». «Русский филологический вестник», 1909, т. LXI, № 2 (а также в «Трудах Московской диалектологической комиссии», вып. 2, 1910); «II. Северновеликорусские и средневеликорусские говоры». «Русский филологический вестник», 1911, т. LXVI, № 3—4 (а также в «Трудах Московской диалектологической комиссии», вып. 3, 1914).

[36] См., например, В. П. Мансикка. Говор Грязовецкого у. Вологодской г. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. 3.

[37] См. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. 1, 1908.

дам А. И. Соболевского и Н. М. Каринского, отрицавших правомерность установления границ говоров.

Работе в известной мере мешали не вполне благоприятные условия, в которые была поставлена Московская диалектологическая комиссия, получавшая от императорской Академии наук ограниченные материальные средства. Начинаниям московской группы диалектологов помогла русская научная общественность, оценившая по достоинству деятельность Комиссии: помещение для ее работы предоставил Московский исторический музей, а «Труды» Комиссии печатались вначале при содействии журнала «Русский филологический вестник», издававшегося в Варшаве. Главный результат работы Комиссии — «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложением «Очерка русской диалектологии» был издан в 1915 г. на средства Русского географического общества и журнала «Русский филологический вестник».

Кроме признания научного и практического значения созданного «Опыта диалектологической карты», последняя должна быть оценена и как плод коллективной, впервые предпринятой в таких масштабах массовой научной работы, в которой участвовали сотни авторов ответов на «программы», своим трудом способствовавших подъему русской диалектологии на новую ступень.

По мысли составителей, «Опыт диалектологической карты» являлся предварительным, в известной мере условным и отнюдь не исчерпывающим обобщением накопленных к тому времени диалектологией данных и был рассчитан на широкий круг читателей; в то же время предполагалось, что он послужит известным стимулом и программой для дальнейшего уточнения сведений о говорах восточнославянских языков.

«Опытом диалектологической карты» обосновано содержание приложенного к нему «Очерка русской диалектологии» (авторы Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков), который явился наиболее систематическим изложением основных сведений, отражающих уровень науки о восточнославянских говорах в то время.

В лингвистической литературе уже тогда справедливо отмечалась значительная условность, неполнота,

недостаточная правомерность выделения в «Опыте диалектологической карты» некоторых групп говоров, известная «произвольность» в определении тех или иных комплексов языковых черт, главным образом фонетических, якобы различающих некоторые говоры и их более мелкие подразделения [38]. Однако массовость материала, четкость документации и во многих случаях правильные теоретические обобщения сыграли свою положительную роль: хотя некоторые из установленных признаков говоров и их территориальное размещение в дальнейшем пришлось не раз пересматривать и уточнять, все же основные положения «Опыта диалектологической карты» впоследствии подтвердились на практике.

Значительным шагом вперед было подчеркнутое выделение языковых признаков и собственных территорий трех самостоятельных восточнославянских языков — великорусского, украинского и белорусского и в то же время показ их родства и тесной исторической связи, хотя в «Опыте диалектологической карты», по условиям того времени, украинский и белорусский языки названы, наряду с великорусским, «наречиями» русского языка.

Кроме границы между основными наречиями великорусского языка, во многих частях проведенной с большой точностью, новшеством явилось отражение зоны средневеликорусских говоров как говоров переходных. Само понятие о средневеликорусских говорах четко выявилось в трудах А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова в предшествующее десятилетие в противовес первоначальным обобщениям А. И. Соболевского и его последователей, не принимавших во внимание различий в специфике диалектного материала средней и южной полосы России.

«Опыт диалектологической карты» как завершающий этап развития русской диалектологии дореволюционного периода не только по времени, но и по методологическим основам нельзя отрывать от последней крупной работы, написанной тогда же и в основном с

[38] См. рецензию А. И. Соболевского в «Журнале Министерства народного просвещения» (1915, июнь).

использованием тех же диалектологических материалов, лишь частично дополненных вновь собранными данными,— монографии Н. Н. Дурново «Диалектологические разыскания в области великорусских говоров. Часть I. Южновеликорусское наречие»[39]. Здесь дается четкая классификация говоров по фонетическому признаку — типам яканья (в основном сохранившая силу и применяемая до сих пор) и уделяется много внимания процессам образования переходных говоров и, главное, вопросам постепенного развития различных типов предударного вокализма. Здесь же нашло себе место дальнейшее развитие принципов, принятых Московской диалектологической комиссией при трактовке вопросов о территориальной границе диалекта, о диалекте как целостной языковой системе. Однако выводы Н. Н. Дурново о путях развития русских диалектов были недостаточно обоснованы, что частично объяснялось неполнотой данных по истории южновеликорусского населения и его языка, которым располагала в то время наука.

Появление монографии вызвало известную полемику, которая явилась органическим продолжением многолетних споров, сопровождавших не только создание «Опыта диалектологической карты», но и всю деятельность учеников и продолжателей идей Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, не боявшихся смелых теоретических обобщений и предпринимавших поиски новых путей исследования.

И на этот раз с резкой критикой выступили сторонники имевшей широкое хождение на Западе эмпирической «теории волн», защищаемой в то время в среде русских филологов А. И. Соболевским, Е. Ф. Будде, Н. М. Каринским. Однако даже самые приемы научного спора, какие применил в своей резкой рецензии «Научное значение «Диалектологических разысканий» последнего времени» Е. Ф. Будде[40], ярко показали общую несостоятельность многих теоретических построений в области диалектологии не только автора рецензии, но и его единомышленников. Эти ученые, сами занимавшиеся

---

[39] См. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. 6, 1917; вып. 7, 1918.

[40] См. «Известия ОРЯС АН», 1918, т. XXIII, кн. 2.

диалектологией и в свое время способствовавшие обогащению этого раздела науки, не поняли правомерности новых методов изучения русских говоров. Е. Ф. Будде отрицал наличие языковой закономерности, системы говора, вследствие чего разрушалось понятие о наличии самого говора как языкового подразделения. Подобные представления опровергались как тогда, так и теперь самим практическим изучением говоров, особенно широко развернутым в наше время при коллективной работе по составлению диалектологических атласов русского языка.

IV

Таким образом, в предоктябрьский период развития русской филологии наука о народных говорах приобретает все основные черты особой отрасли русского языкознания, стоявшей в определенной зависимости от истории языка.

Русская диалектология уже обладает вполне сложившейся традицией и собственным методом массового и индивидуального собирания материала, его обработки и публикации, чему способствовала деятельность образовавшегося постепенно коллектива русских языковедов-диалектологов, лишь частью объединенных научными организациями.

Накоплены также и большие фонды диалектологического материала путем собирания сведений по массовым «программам», в результате чего была создана первая обобщающая лингвистическая карта, показавшая территориальное распространение основных наречий восточнославянских языков и их подразделений — говоров, в частности великорусских.

Создан ряд монографических описаний говоров, опубликованных не только в изданиях Академии наук и ее Московской диалектологической комиссии, но и в центральных и провинциальных научных журналах, таких, как «Русский филологический вестник», «Филологические записки», «Этнографическое обозрение», «Живая старина», «Журнал Министерства народного просвещения» и др. К существующим большим диалектологическим словарям — «Опыту областного великорусского словаря» и «Дополнению к «Опыту областного велико-

русского словаря» — прибавилось несколько областных словарей, преимущественно посвященных северновеликорусской лексике,— А. Грандилевского, Г. И. Куликовского, А. Подвысоцкого, Н. М. Васнецова, В. Г. Богораза, И. Т. Смирнова и др.[41]

Результаты исследований диалектологических данных, проводившихся вначале нередко дилетантскими способами и сперва на эмпирических основах, показали русским языковедам необходимость изыскания новых, продуктивных методологических приемов интерпретации материала. В этом свете выработалась своя научная терминология, которая способствовала уточнению понятий в области систематизации диалектологических явлений и в значительной мере устранила разнобой, господствовавший прежде в изложении лингвистических сведений у авторов разных направлений.

Благодаря живому стремлению к поискам новых методологических путей (насколько это было возможно в домарксистской науке) прогрессивные представители русской лингвистической мысли искали — часто непоследовательно, с ошибками, стихийно — материалистического подхода к вопросам развития русского языка в его говорах; уже приближались к правильному пониманию вопросов языковой системы говора и закономерностей ее исторического развития, к пониманию единства общенародного языка в его говорах и исторических условий развития русского языка.

Новые идеи отражались в первых сводах диалектологических сведений, в курсах русской диалектологии, постепенно обособившихся на базе лекций по истории языка А. И. Соболевского, В. А. Богородицкого,

---

[41] А. Грандилевский. Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянский говор. «Сборник ОРЯС АН», т. LXXXIII, 1907, № 5 (словарь — стр. 87—304); Г. И. Куликовский. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898; А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885; Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря вятского говора. Вятка, 1907; В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901 (в изд.: «Сборник ОРЯС АН», т. LXVIII, № 4); И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. СПб., 1901 (в изд.: «Сборник ОРЯС АН», т. LXX, 1902, № 5)

А. А. Шахматова и других ученых, воспитавших многочисленные кадры русских языковедов. Так в области русской диалектологии создавалась своя теория и практика, и они взаимно обогащали друг друга.

Тем не менее уже тогда ясно выявилось неравномерное развитие различных разделов русской диалектологии, что было связано с общим уровнем лингвистической науки той эпохи: при сравнительно обширном накоплении сведений по фонетике говоров в значительно меньшей мере велось изучение их морфологии и особенно лексики и синтаксиса. Почти не затронута была область изучения взаимоотношений говоров с общенациональным литературным языком. Оставалась неудовлетворенной потребность в накоплении полных, систематических описаний, освещающих говоры различных территорий, монографий, вскрывающих связи современных говоров с их историческим прошлым. Проблема создания атласа, которую пыталась ставить диалектология в дореволюционный период, не могла быть разрешена, как и все названные выше и многие другие проблемы, не только по недостаточности организационных возможностей в прежнее время, но главным образом из-за отсутствия в русском языкознании теоретической базы научного исследования, освоение которой предстояло совершить нашей науке в послеоктябрьскую эпоху.

В. Г. Орлова

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1918—1959)

Традиции изучения диалектов русского языка, задачи и перспективы русской диалектологии можно считать в известной степени определившимися уже в начале XX в. Еще в 1903 г. в России был создан научно-организационный центр для руководства этой работой — Московская диалектологическая комиссия Академии наук, в составе которой работали виднейшие языковеды-русисты, неоднократно лично проводившие диалектологические обследования и создавшие образцовые для того времени работы, посвященные описанию говоров, а также выпустившие в свет в 1915 г. «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» с приложенным к нему «Очерком русской диалектологии».

В послереволюционный период, начиная с 1921 г., продолжались диалектологические экспедиции, велась публикация материалов, собранных ранее при подготовке «Опыта диалектологической карты» и представлявших собою ответы корреспондентов на программы, рассылавшиеся в течение ряда лет Московской диалектологической комиссией [1].

[1] Публикация материалов проводилась в виде двух серий: 1) «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. 8 вышел в 1919 г., вып. 9 (с изменением названия серии — «Труды постоянной комиссии по диалектологии русского языка») — в 1927 г., вып. 10 — в 1928 г., вып. 11 — в 1930 г. и вып. 12 — в 1931 г.; 2) «Материалы для изучения великорусских говоров», вып. 11 вышел в 1922 г.

Этап, связанный с подготовкой «Опыта диалектологической карты», рассматривался членами Комиссии как подготовительный к более широкому изучению русского языка методами лингвистической географии. На заседаниях Комиссии уже в 20-х годах ставились вопросы, связанные с изучением зарубежного опыта составления лингвистических атласов, с созданием проекта новой диалектологической программы.

Наличие большого числа собранных по единому плану материалов в сочетании с имевшимися монографиями, многие из которых были созданы также в период подготовки «Опыта диалектологической карты», впервые давало возможность более полно выявить круг диалектных различий русского языка и на этой основе разработать диалектологическую программу нового, более совершенного типа, в большей степени отражающую и охватывающую характерные черты строя русского языка, взятого во всей совокупности его говоров.

В 1927 г. в отчете о деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка (как именовалась в это время б. Московская диалектологическая комиссия) ученый секретарь Комиссии И. Г. Голанов писал, что выпуск в свет «Опыта диалектологической карты» сам по себе также являлся своего рода диалектологической программой, приглашавшей и далее собирать сведения о говорах в качестве поправок к нему. В том же отчете он указывал: «В 1919 г. было намечено составление диалектологического атласа великорусских говоров, который должен состоять из ряда карт, где будет обозначено распространение отдельных диалектологических явлений или комплектов сходных черт» [2].

С тем же интересом к географическому распространению отдельных диалектологических явлений было связано проведение специальных экспедиций, ставивших своей целью установление границ этих явлений [3].

---

[2] «Краткий очерк деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет» («Труды комиссии по диалектологии русского языка», вып. 9, Л., 1927, стр. 10).

[3] И. Г. Голанов. Несколько данных к вопросу о географическом распространении диссимилятивного аканья. «Сборник ОРЯС АН», т. LI, 1928, № 3.

Таким образом, идея создания атласа русских народных говоров не только выдвигалась членами Московской диалектологической комиссии, но ставилась ими на реальную почву.

Однако к началу 30-х годов представители «нового учения» о языке добиваются фактической ликвидации Постоянной комиссии по диалектологии русского языка, вследствие чего изучение русских народных говоров методами лингвистической географии в том направлении, как его намечали члены Комиссии, отодвигается на ряд лет.

I

На протяжении всего периода подготовки «Опыта диалектологической карты», материалы для которого были в основном собраны корреспондентским путем, шло изучение и описание отдельных говоров и их групп. Особенно много таких работ было создано членами Московской диалектологической комиссии и другими диалектологами [4]; ряд работ был опубликован в 20-х и начале 30-х годов.

Эти работы, содержавшие ценные диалектологические материалы, не представляли еще, однако, чего-либо нового как по методу построения диалектологических описаний, так и с точки зрения рассмотрения

[4] Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. «Сборник ОРЯС АН», т. XCIX, 1922, № 6; С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда Новгородской губернии. «Сборник ОРЯС АН», т. XCIX, 1922, № 5; его же. Характеристика народных говоров по р. Костроме. «Труды Костромского научного общества по изучению местного края», вып. XLI. Четвертый этнографический сборник. 1927; А. Н. Гвоздев. Типы великорусских говоров Пензенской губ. Пенза, 1925; его же. Говор с. Сивини Краснослободского у. Пензенской губ. «Труды Постоянной комиссии по диалектологии русского языка», вып. IX, 1927; А. В. Миртов. Казачьи говоры. Изд. 2-е, Ростов н/Д., 1926; С. А. Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губернии (Материалы и наблюдения). Ярославль, 1929 («Труды Ярославского пед. ин-та», т. 2, вып. 3); В. И. Чернышев. Псковское наречие. «Труды комиссии по русскому языку», т. 1, М., 1931; его же. Говоры Пушкинского района. «Язык и мышление», т. VI—VII, М.—Л., 1936; Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Говоры верхнего Поветлужья. «Труды Нижегородской антропологической экспедиции», вып. I. Приложение. Н. Новгород, 1934.

диалектных данных в развитии, в связи с историей их носителей.

Важно отметить, что к послереволюционному периоду относится расширение рамок диалектологических исследований в территориальном отношении. В круг изучения вовлекаются народные говоры Сибири и Дальнего Востока, в ряде случаев имеющие сложную историю формирования. В новых исторических условиях на территории Сибири наблюдается взаимодействие представителей разных диалектных групп русского, украинского, белорусского языков, а также языков других семей. Все это приводит к развитию в русских говорах Сибири характерных процессов и явлений, не известных русским говорам Европейской части СССР, а также к сохранению в некоторых случаях отдельных языковых черт в более архаическом состоянии. Материалами такого рода насыщены работы А. М. Селищева «Забайкальские старообрядцы» (Иркутск, 1920) и «Диалектологический очерк Сибири» (вып. 1, Иркутск, 1921). Можно указать и другие работы, посвященные изучению сибирских говоров [5].

Важно также отметить, что в ходе развития диалектологии русского языка на протяжении советского периода все решительнее выдвигалось требование учета всей системы описываемого говора, а не одних лишь его «особенностей», «отклонений» и «неправильностей». По отношению к фонетике говоров все более укрепляется подход к звуковому строю как к системе фонем, выступающих в определенных соотношениях, имеющих закономерности употребления, характерные для тех или иных

---

[5] А. П. Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 1—7. Владивосток, 1926—1932; А. Д. Григорьев. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров. Томск, 1921 («Известия Института исследования Сибири», № 6. Труды историко-этнографического отдела, № 1); его же. Образование и общее распределение русских старожильческих говоров Сибири. «Сборник ОРЯС АН», т. CI, 1928, № 3; П. Я. Черных. Русский язык в Сибири. Иркутск, 1936 г.; его же. Сибирские говоры. Иркутск, 1953 (в этой работе приводятся данные о диссертационных работах, посвященных русским говорам Сибири и защищенных к этому времени); Н. А. Цомакион. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск, 1960.

говоров. При характеристике системы языка диалектов выдвигается требование учета связей, имеющихся между разными сторонами языка — фонетикой, морфологией, лексикой, синтаксисом.

Однако в диалектологии, как и в других областях науки о русском языке, наряду с учеными, продолжавшими и творчески развивавшими лучшие научные традиции прошлого, весьма активно проявляли себя представители так называемого «нового учения» о языке. Отрицательно относясь к опытам монографического изучения и описания народных говоров, эти ученые неоднократно выступали с отрицательной оценкой всего того, что было накоплено русской диалектологией на предшествующих этапах развития, хотя практически сами они не давали таких образцов диалектологических описаний, которые соответствовали бы принципам «нового учения» с его вульгарно-социологическими установками. Опыт вульгарно-социологического объяснения языковых явлений (в том числе даже морфологических и фонетических) представлен в очерках Н. М. Каринского, посвященных говору деревни Ванилово Виноградского района Московской области, являющихся почти единственной работой в своем роде.

Н. М. Каринский строит здесь ряд совершенно произвольных и необоснованных объяснений фактов фонетики и морфологии с точки зрения удобств «при пользовании вновь организуемой языковой системой» (имеется в виду «организация» языковой системы в послереволюционные годы представителями передового слоя говора) и тем самым отрицает развитие языка по его внутренним законам[6]. Так, известную полновесность заударного слога в описываемом им говоре он объясняет «выдвижением звукового оформления флексий как организующих элементов речи», т. е. якобы возникающей по смысловому заданию говорящих, и т. п.

Если мы сравним чисто декларативные, «установочные» статьи такого последователя «нового учения» о

---

[6] Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. Говор деревни Ванилово. М.— Л., 1936 (см., например, подобные рассуждения на стр. 77—80).

языке, как Н. П. Гринкова, и ее собственные довольно многочисленные описания говоров, то убедимся, что огульное отрицание традиционной диалектологии отнюдь не помогло автору этих статей создать новые образцы описаний [7]. Диалектологические работы Н. П. Гринковой характеризуются в методическом и научном отношении подражанием наиболее несовершенным образцам традиционных диалектологических описаний. Мастерство тонкого, всестороннего описания, обнаруживающееся в работах А. А. Шахматова, Н. Н. Дурново, Д. В. Бубриха, О. Брока, было совершенно чуждо Н. П. Гринковой. Свои описания она строила как бессистемный перечень диалектных особенностей, греша при этом несоблюдением ряда научных требований элементарного характера даже в отношении самой систематизации материала [8].

В связи со сказанным тем более важно отметить, что на протяжении периода господства «нового учения» о языке в советском языкознании, т. е. в период до лингвистической дискуссии 1950 г., появлялись и диалектологические статьи иного типа, которым были чужды вульгарно-социологические установки и в которых был представлен подход к языку как системе, учитывающий соотношения, имеющиеся между разными сторонами языка [9].

---

[7] Ср., например, Н. П. Гринкова. Изучение языка колхозной деревни. «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1948, т. VII, вып. 5; ее же. Монографическое изучение диалектов как материал для истории языка. «Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. XX, 1939; ср. вышедшие ранее статьи того же автора, имеющие общее заглавие «Очерки по русской диалектологии» («Известия ОРЯС АН», 1925, т. XXX; 1926, т. XXXI; «Известия по русскому языку и словесности», 1929, т. II, кн. 1; 1930, т. III, кн. 1, 2).

[8] Ср. разделы, посвященные описанию диалектных явлений, в работе: Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты, Л., 1947. («Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 55). Низкий научный уровень диалектологических работ Н. П. Гринковой показан на ряде примеров в статье В. Г. Орловой «Работы диалектологов марровского направления» (сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I. М., 1951).

[9] Опыты описаний говоров подобного типа представлены, например, некоторыми работами, вышедшими в издании «Материалы и исследования по русской диалектологии» Института русского

II

Лингвистическая дискуссия 1950 г. помогла освободиться от вульгарного социологизма и бесплодно отрицательного отношения к научным традициям, что было характерно для «нового учения» о языке, хотя пережитки последнего еще встречались и в дальнейшем (хотя и редко) в нашей диалектологической литературе [10].

Некоторые исследователи приступают к созданию диалектологических монографий нового типа именно в это время; появляется возможность выхода в свет ряда ранее подготовленных работ. История того или иного диалекта в таких работах рассматривается в связи с историей его носителей, как преемственный и постепенный процесс развития той языковой восточнославянской основы, которая в местных условиях, особенно в эпоху феодализма, могла развить черты своеобразного характера, сохраняя при этом, однако, эту основу в течение веков [11].

языка АН СССР (тт. 1—3, М.— Л., 1949): Р. И. Аванесов. Очерки диалектологии Рязанской мещеры. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 1; В. Н. Сидоров. Наблюдения над языком одного из говоров рязанской мещеры. Там же; П. С. Кузнецов. О говорах верхней Пинеги и верхней Тоймы. Там же; В. Г. Орлова. О говоре села Пермас. Там же; С. С. Высотский. О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.). «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. 2.

[10] Ср., например, оценку сб. «Материалы по говорам Саратовской области» («Уч. зап. Саратовского гос. университета», т. 32. Диалектологический сборник, вып. 1. Саратов, 1952) на Третьем диалектологическом совещании в мае 1953 г. (см. «Вопросы языкознания», 1953, № 6, стр. 163).

[11] Можно указать ряд работ подобного характера: С. И. Котков. Говоры Орловской области. Автореферат докторской диссертации. Орел, 1952; его же. Из истории изучения орловских говоров. «Уч. зап. Орловского гос. пед. ин-та», 1951, т. V, вып. 2; его же. Говоры Орловской области со стороны их вокализма. Там же; его же. Заметки по консонантизму курско-орловских говоров. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», вып. II, 1952; Т. Г. Строганова. Говоры междуречья Оки — Клязьмы. Автореферат кандидатской диссертации, М., 1950; ее же. К изучению говоров междуречья Оки — Клязьмы. «Труды Института языкознания АН СССР», т. VII, 1957; К. А. Федорова. К истории говоров западного Подмосковья. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1951; О. Н. Мораховская. Говоры Мещерского края. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1951; ее же. Говор деревни Уляхино Курловского района Владимирской области. «Труды Инсти-

Использование богатого материала, накопленного русскими диалектологами, в целях разработки истории русского языка и исторической диалектологии было начато в русской науке давно крупнейшими историками языка дореволюционного периода (А. А. Шахматов, Л. Л. Васильев, Н. Н. Дурново) [12]. Однако значение диалектологии для истории русского языка реализуется полностью лишь тогда, когда диалектные данные подвергаются специальному исследованию по каждому отдельному вопросу истории русского языка. Одним из наиболее ранних трудов такого типа является работа В. В. Виноградова «Исследование в области фонетики северновеликорусского наречия», где представлена история звука *ѣ*, построенная на широком обобщении данных диалектов и памятников письменности [13].

Привлечение диалектных данных при изучении истории тех или иных явлений по памятникам письменности практикуется весьма широко в исследованиях послереволюционного периода. Таковы, например, многие исследования С. П. Обнорского, в которых он систематически и очень широко использует как архивные, так и опубликованные диалектные данные. По исторической фонетике отметим его работы о переходе *е*>*о* и судьбе

тута языкознания АН СССР», т. VII, 1957; М. Н. Шабалин. Русские говоры на юго-востоке Кубани. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952; его же. О происхождении некоторых черт русского кубанского диалекта. Сб. «Вопросы истории русского языка». Изд. МГУ, 1959; Н. Б. Бахилина. Мещерские говоры на территории Пензенской области. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952; ее же. Мещерские говоры на территории Пензенской области. «Труды Института языкознания АН СССР», т. VII, 1957; Л. Э. Калнынь. Коломенские говоры в их истории и современном состоянии. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952; ее же. К истории коломенских говоров. «Труды Института языкознания АН СССР», т. VII, 1957; Г. В. Шайтанова. Говоры по верхнему течению реки Костромы. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1952; и др.

[12] Некоторые работы подобного типа вышли в свет в послереволюционные годы, например: Л. Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусских наречиях. «Сборник по русскому языку и словесности», т. I, вып. 2, Л., 1929; Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924.

[13] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики се-

www.ruslang.ru

сочетания *чн* в русском языке[14], а также другие более мелкие работы[15].

Относительная хронология изменения *е>о* и представленного в диалектах обобщения задненебных звуков в глагольных основах выясняется Р. И. Аванесовым на материале диалектных форм типа *п'оку, п'екош, л'екот*[16]. Вопрос о говорах без перехода *е>о*, о появлении *о* после мягких согласных в именных окончаниях и некоторых суффиксах и об отражении этого *о* в предударном вокализме (при диссимилятивном яканье) тот же автор рассматривает в «Очерках диалектологии рязанской мещеры»[17], в «Очерках русской диалектологии» (ч. 1, М., 1949) и в статье «Лингвистическая география и история русского языка»[18].

История звуков *в* и *ф* строится почти исключительно на диалектных данных и в работе В. Г. Орловой[19], где устанавливается классификация русских народных говоров в зависимости от характера употребления в них губных спирантов и дается историческое истолкование этой классификации. Систематизация диалектных данных об употреблении аффрикат *ц* и *ч* с целью последующего их использования для выводов по исторической диалектологии, в частности попытка установить различие типов этого употребления в говорах русского языка, а также выяснить процессы, характеризующие развитие этого употребления, представлена в статьях того

верноруссого наречия. Вып. I. Очерки из истории *ѣ* в северно-русском наречии. «Известия ОРЯС АН», 1923, т. XXIV, кн. 1 и 2.

[14] С. П. Обнорский. Переход *е>о* в современном русском языке. Сб. «А. А. Шахматов... Труды Комиссии по истории Академии наук СССР», вып. 3, М.—Л., 1947; его же. Сочетание *чн* в русском языке. «Труды комиссии по русскому языку», т. I, 1931.

[15] Например, см. Zametki po russkoj dialektologii. «Slavia», roč. X, seš. 1, 1932.

[16] Р. И. Аванесов. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров. «Доклады и сообщения филологического факультета [МГУ]», вып. 2, 1947.

[17] См. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, 1949.

[18] См. «Вопросы языкознания», 1952, № 6.

[19] В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Труды Института русского языка АН СССР», т. II, 1950.

же автора [20]. Со статьей на аналогичную тему еще ранее выступал С. А. Копорский [21].

В. Г. Орлова занимается в дальнейшем вопросом об употреблении аффрикат во всех основных диалектных группах русского языка, привлекая данные памятников письменности. История употребления аффрикат рассматривается в связи с процессом образования русских народных говоров [22]. В работе выдвигается гипотеза о происхождении цоканья на основе внутренних законов развития определенных говоров русского языка и дается история функционирования и трансформации основных типов употребления аффрикат (их различения, употребления одной аффрикаты в результате их совпадения или в результате утраты затвора одной из аффрикат) в говорах на всем протяжении их существования.

В двух статьях В. Н. Сидорова [23] специальному рассмотрению подвергается система яканья некоторых среднерусских говоров, сохранивших в пределах системы умеренного яканья следы различения предударных гласных по их происхождению, наподобие того как они различаются в севернорусских говорах, и представляющих, по терминологии автора, «первичное умеренное яканье». В результате анализа доказывается, что умеренное яканье в среднерусских говорах сформировалось в процессе перестройки на южнорусский лад системы севернорусского ёкающего предударного вокализма.

Из числа работ, в которых обобщаются диалектные данные, характеризующие фонетический строй, и подготовленных в более позднее время, выделим те, которые строятся уже на основе материалов, собираемых для диалектологических атласов, что помогает их авторам

[20] В. Г. Орлова. Цоканье в русских говорах. «Уч. зап. МГУ», вып. 126. Труды кафедры русского языка, кн. 1, 1948; ее же. Типы употребления аффрикат как различительный признак русских народных говоров. «Вопросы языкознания», 1957, № 1.

[21] С. А. Копорский. Цоканье в Калининской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III, 1949.

[22] В. Г. Орлова. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров. М., 1959.

[23] В. Н. Сидоров. О происхождении умеренного яканья в среднерусских говорах. «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1951, т. X, вып. 2; его же. Об одной разновидности умеренного яканья в среднерусских говорах. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», вып II, 1952.

сочетать изучение внутренних закономерностей явлений с наблюдениями над характером территориального размещения отдельных разновидностей того или иного явления. Это делает подобные работы тесно связанными с рассмотрением соответствующих исторических процессов даже в том случае, когда авторы непосредственно не ставят таких задач. К таким работам относятся статья Т. Г. Строгановой, в которой устанавливается ранее не известная архаическая по своему характеру разновидность диссимилятивного аканья, параллельная по своим закономерностям диссимилятивному яканью обоянского типа [24], и некоторые из статей, опубликованных в новой серии «Материалов и исследований по русской диалектологии», в частности работы, посвященные типологии предударного вокализма после мягких согласных [25].

Говоря об использовании диалектных данных для разрешения вопросов исторической морфологии, следует прежде всего отметить «Именное склонение в современном русском языке» С. П. Обнорского [26]. В этой работе подвергнут анализу настолько большой материал, что можно говорить о почти исчерпывающем использовании источников, имевшихся в то время в распоряжении автора. Факты именного склонения в русских говорах часто даются автором в их конкретном территориальном распространении. Изучаемые диалектные черты С. П. Обнорский соотносит с другими связанными с ними в системе языка диалектными чертами, что помогает лучше выявить природу изучаемого явления. Этим достигается связь разных сторон языка, прежде всего фонетики и морфологии, при их изучении. По своему построению «Именное склонение...» представляет как бы ряд частных исследований, посвященных отдельным группам форм, рисующих историю именного склонения

[24] Т. Г. Строганова. Одна из особенностей южнорусского вокализма. «Вопросы языкознания», 1955, № 4.

[25] См. К. Ф. Захарова. Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей. «Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», т. I, 1959; С. К. Пожарицкая. К вокализму предударного слога после мягких согласных в северновеликорусских говорах. Там же.

[26] С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1, Л., 1927; вып. 2, Л., 1931.

в целом. К «Именному склонению...» примыкают и работы С. П. Обнорского, посвященные образованию глагольных форм 3-го лица настоящего времени [27] или образованию некоторых форм прилагательных [28].

Развитие такого позднего по времени возникновения морфологического явления, как утрата среднего рода, рассматривается С. С. Высотским на основе привлечения данных народных говоров на территории к западу от Москвы. Полагая, что фонетическое объяснение причины утраты среднего рода не может считаться исключительным при решении данного вопроса, автор занимается детальным изучением процесса утраты среднего рода в различных лексических слоях изучаемых говоров [29].

В работе С. П. Обнорского «Очерки по морфологии русского глагола» (М., 1953) собрано большое число данных, характеризующих употребление глагольных форм в говорах русского языка. Хотя история глагольных форм специально в данной работе не разрабатывается, автор показывает, что в говорах сохранились такие глагольные формы и особые случаи их употребления, которые относятся к разным периодам исторического развития системы русского глагола. Кроме того, в работе имеются и специальные экскурсы исторического характера [30].

Можно назвать также и другие работы, посвященные обобщению диалектных данных по морфологии [31], авто-

[27] С. П. Обнорский. Образование глагольных форм 3 лица настоящего времени в русском языке. «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1941, № 3.

[28] С. П. Обнорский. Заметки по русской диалектологии. Южновеликорусские формы вин. пад. ед. ч. жен. рода прилагательных на-*уя*. «Slavia», roč. VII, seš. 4, 1929.

[29] С. С. Высотский. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. «Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР», вып. I, 1948.

[30] См. рецензию П. С. Кузнецова на эту работу («Вопросы языкознания», 1955, № 2).

[31] Например, см. Г. А. Касвин. Основы настоящего времени глаголов II спряжения. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. III, 1949; ее же. О некоторых особенностях в образовании глаголов *сесть* и *лечь* в русских говорах. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка», вып. 6, 1948; В. В. Земская. К истории деепричастий в южнорусских и среднерусских говорах Автореферат кандидатской диссертации

ры которых не всегда ставили перед собой задачу воссоздать историю тех или иных явлений. Однако в этих работах обычно подвергаются анализу закономерности существования изучаемых явлений, особенности их территориального размещения и притом нередко в соотношении с другими явлениями, в связи с чем подобные работы дают основание для выводов исторического характера и несомненно имеют непосредственное отношение к разработке истории тех или иных явлений.

Использование диалектных данных для решения вопросов истории языка шло преимущественно по линии исторической морфологии и исторической фонетики. Изучение диалектной лексики и синтаксиса явно отставало. Это объяснялось тем, что самое собирание диалектных данных этого рода не было еще достаточно продвинуто. Лишь составление словарей отдельных говоров или их групп, а также проведение большого числа записей связных текстов, отражающих живую разговорную речь различных диалектов языка, может дать необходимую основу для широкой разработки соответствующих разделов истории русского языка на диалектном материале. В связи с этим до сих пор остаются единичными работы типа «Очерков по синтаксису русских народных говоров» А. Б. Шапиро [32].

Стремясь к систематическому описанию синтаксиса простого предложения в говорах, А. Б. Шапиро делает ряд интересных наблюдений (например, наблюдения над некоторыми явлениями в области согласования подлежащего и сказуемого, в области предложений с существительно-местоименной конструкцией, наблюдения над

Челябинск, 1950; Л. Н. Булатова. Отглагольные существительные на *-нье, -тье* в русских народных говорах. «Труды Института языкознания АН СССР», т. VII, 1957; А. И. Сологуб. Формы повелительного наклонения в русских народных говорах. Там же; С. В. Бромлей. Формы сравнительной степени в русских говорах в свете данных диалектологического атласа. «Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия», т. I, 1959.

[32] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953. См. статьи того же автора: «Типы безличных предложений в русских говорах» («Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, 1949); «Некоторые особенности в употреблении частиц и союзов в русских говорах» («Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка», вып. 5, 1949).

особенностями употребления некоторых частиц и союзов, характеристика отрицательных предложений и др.). Интересна также классификация двусоставных предложений.

Постепенное, хотя и недостаточное накопление диалектных данных по лексике и синтаксису происходило в процессе собирания материалов для атласов русских народных говоров, а также при описании отдельных говоров или их групп.

Так, на территории северо-западных областей СССР — Ленинградской, Псковской, Новгородской — был обнаружен ряд своеобразных синтаксических конструкций, представляющих собой редкие для русского языка, весьма единого в отношении синтаксического строя, диалектные различия синтаксического характера. Сведения об этих конструкциях и теоретические соображения по поводу них, наряду с некоторыми рекомендациями методического характера, находим в статьях Ф. П. Филина, построенных на обобщении названного материала [33].

В вышедшей значительно позднее статье И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко авторы имели уже возможность обобщить данные, собранные при подготовке атласов, о характере территориального распространения синтаксических явлений в говорах к западу и юго-западу от Москвы, а также дать анализ материала по некоторым синтаксическим явлениям [34].

Изучение диалектной лексики также отстает в период господства «нового учения» о языке.

В упомянутой выше работе Н. М. Каринского «Очерки языка русских крестьян» (см. стр. 71) вульгарный социологизм отразился и в подходе к лексическому материалу. Для Н. М. Каринского характерна тенденция заниматься не собственно диалектной лексикой, а лишь тем кругом слов, которые представлены в диалекте в ре-

---

[33] Ф. П. Филин. Заметки о записях материалов по синтаксису. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка», вып. 4, 1948; его же. Об употреблении форм именительного падежа имен женского рода на *-а* в значении аккузатива. Там же, вып. 1, 1947.

[34] И. Б. Кузьмина и Е. В. Немченко. О некоторых синтаксических явлениях в говорах юго-западных и центральных областей к западу от Москвы. «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», т. X, 1956.

зультате воздействия на него литературного языка В связи с этим в словаре, имеющемся в «Очерках...» (стр. 120—173), мы видим не диалектные слова, а лишь слова, общие всему национальному языку. В результате подобного подхода к материалу создавалось впечатление, что исчезновение диалектов — уже совершившийся факт.

Оценку работы Н. М. Каринского как образцовой в отношении метода дает много лет спустя Н. П. Гринкова в статье «Изучение языка колхозной деревни»[35]. Данная статья направляет внимание исследователей на преимущественное изучение в диалектах речи так называемого «передового» слоя говорящих, т. е. фактически различного рода недиалектных явлений, что объективно вело к ликвидации диалектологии. Указания этого рода должны были вызвать к жизни появление таких описаний говоров, которые свидетельствовали бы об уже совершившемся исчезновении диалектов. Так поступила, например, сама Н. П. Гринкова при описании диалектов Воронежской области[36] (см. главу V — «Особенности языка современной воронежской деревни»), в связи с чем все богатство южновеликорусской диалектной лексики, представленное в говорах Воронежской области, изучение которых чрезвычайно важно для истории языка, осталось вне пределов сколько-нибудь систематического рассмотрения.

В особом направлении строил до лингвистической дискуссии 1950 г. свои занятия лексикой Ф. П. Филин, стремившийся показать на материале русской диалектной лексики несуществующие «стадиальные» переходы в развитии языка. Это намерение он и выполнил в работе «Исследование о лексике русских говоров по материалам сельскохозяйственной терминологии» (М.— Л., 1936).

Игнорируя реальную историю словарного состава русского языка, Ф. П. Филин распределял привлекаемую им диалектную лексику или отдельные значения слов по

---

[35] См. «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1948, т. VII, вып. 5.

[36] Н. П. Гринкова. Воронежские диалекты. Л., 1947 («Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 55. Кафедра русского языка).

соответствующим стадиям развития общества и по разной степени пережитой словами «технизации». При этом Ф. П. Филин считал себя вправе использовать в работе только ту лексику, которая, хотя и с большой натяжкой, в результате разного рода палеонтологических манипуляций укладывалась в рамки принятой им схемы. Не подвергшуюся изменениям в своих значениях основную часть сельскохозяйственной лексики, как, например, названия злаков, названия животных в русском языке и т. д., Ф. П. Филин оставил вне рассмотрения; при помощи такого приема было создано впечатление, что материал не противоречит априорно построенной схеме Ф. П. Филина. Немало усилий было приложено автором работы и к тому, чтобы доказать неисконный, несамобытный характер русской лексики, затушевать ее родство с лексикой других славянских языков, отыскать в составе этой лексики скифские, чувашские, кавказские, германские элементы, трактуемые не как заимствования, а как несомненный след имевших место языковых смешений.

Лишь значительно позднее, по мере того как силы диалектологов-русистов, направивших после лингвистической дискуссии 1950 г. все свое внимание на подготовку диалектологических атласов (см. ниже), начинают постепенно высвобождаться, удается поднять вопрос о планомерном изучении диалектной лексики и обобщении имеющихся материалов этого рода. Как показывают публикации, имеющиеся по этому вопросу[37], эта работа идет в настоящее время в двух направлениях: 1) обобщение имеющихся опубликованных и архивных данных по диалектной лексике в одном сводном издании и 2) создание ряда региональных словарей, которые представляли бы, по возможности равномерно, основные диалектные группы русского языка в том виде, как они выявлены в результате составления карт атласов русских народных говоров.

---

[37] Г. Г. Мельниченко. О принципах составления областных словарей. «Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та», вып. XXVI (XXXVI). Русский язык. 1957; В. Г. Орлова и А. И. Сологуб. Изучение диалектной лексики русского языка. «Лексикографический сборник», вып. II, М., 1957; Ф. П. Филин. Об областном словаре русского языка. Там же.

III

К числу работ, обобщающих накопленные диалектологические материалы для истории языка, относятся и такие, в которых ставится проблема происхождения русского языка и его говоров.

Представители «нового учения» о языке, пытавшиеся применить теорию Н. Я. Марра к разрешению и этой проблемы, не стремились к объективному обобщению диалектных данных по этому вопросу. Они использовали лишь тот диалектный материал, который, как им казалось, в наибольшей степени подтверждал их теоретические построения, не считаясь при этом с остальными, совершенно противоречащими их утверждениям фактами.

Яркое выражение подобного подхода к материалам и фактам представлено в уже упоминавшейся книге Н. П. Гринковой «Воронежские диалекты», где в особой (VII) главе рассматриваются вопросы образования южнорусского наречия. Н. П. Гринкова сочла возможным сопоставлять такие южновеликорусские диалектные явления, как аканье, смягчение *к* после мягких согласных, замену *ф* через *х*, *хв*, с фактами чувашского, марийского, болгарского языков. Привлекаемые ею данные этих языков не имеют по сути дела ничего общего с названными явлениями южновеликорусской фонетики, однако на основании этого бездоказательного и совершенно неправомерного сопоставления Н. П. Гринкова приходит к выводу, что ряд особенностей южновеликорусского наречия является результатом «скрещения с какими-то языковыми образованиями, носителями которых могли быть предки хазар, от которых аналогичные языковые явления перешли в дальнейшем в язык чувашский и другие языки Поволжья, а также в некоторой доле попали и на Балканы» [38]. В связи с этим Н. П. Гринкова утверждает, что для построения истории русского языка важнее изучение других, притом чаще всего «иносистемных» языков и отыскание в них пластов, вошедших в состав русского языка, самобытный характер которого тем самым полностью отрицается.

---

[38] Н. П. Гринкова. Указ. соч., стр. 296.

В ином плане, на основе обобщения многообразных диалектных данных русского языка шло рассмотрение процесса формирования определенных групп говоров, а именно русских говоров Сибири, в уже упоминавшейся выше работе А. М. Селищева [39]. Здесь на основе сравнительного изучения говоров Сибири и Европейской части СССР выяснялся процесс, в ходе которого «Русские говоры Сибири, оторвавшись от ближайших говоров Европейской России, начали свою жизнь с тем запасом звуков, форм и лексики, какой был свойствен говорам их метрополии в XVI, XVII вв. Сравнительное изучение говоров Сибири и Европейской России прольет свет на состояние тех или иных русских диалектов в XVI—XVII столетиях. С другой стороны, такое изучение укажет, какие языковые процессы были пережиты русскими поселенцами в Сибири в течение последних 300—200 лет» [40].

Образование говоров русского языка в Сибири рассматривалось А. М. Селищевым в тесной связи с развитием языковых процессов, пережитых этими говорами в новых условиях. Эти новые условия создавались в процессе взаимодействия южнорусских, севернорусских и среднерусских говоров, вступивших на новых территориях в совершенно иные сочетания, чем это имеет место в Европейской части СССР. Определенные языковые процессы были вызваны к жизни тем широким переходом на русский язык иноязычного населения, который развернулся в Сибири, начиная с XVII—XVIII вв.

Исследование и анализ накопленных диалектологических данных представлены также в работе Р. И. Аванесова «Вопросы образования русского языка в его говорах» [41], где указанный вопрос рассматривается в связи с параллельными процессами образования белорусского и украинского языков [42].

[39] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Вып. I, Иркутск, 1921.

[40] А. М. Селищев. Там же, стр. 5.

[41] См. «Вестник Московского университета», 1947, № 9.

[42] Позднее Р. И. Аванесов также высказывался по этим вопросам и останавливался на задачах их дальнейшего исследования; см. Р. И. Аванесов. К вопросам образования русского национального языка. «Вопросы языкознания», 1953, № 2; его же. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. «Вопросы языкознания», 1955, № 5.

В работе много места уделено критике теории происхождения русского языка А. А. Шахматова и теории происхождения среднерусских говоров Н. Н. Дурново. Эта критика направлена против неисторического подхода этих ученых к разрешению ряда вопросов и проецирования современных диалектных различий русского языка в глубь веков. В работе Р. И. Аванесова показано, что особенности современных русских говоров и, в частности, их современную группировку нельзя выводить непосредственно из племенных диалектов периода первоначального обособленного существования восточных славян. Между современными и древними племенными диалектами лежит эпоха феодальной раздробленности, эпоха образования централизованных государств, вызвавшая к жизни образование территориальных диалектов.

Ряд наблюдений над современным территориальным распределением некоторых языковых черт русского и белорусского языков автор работы связывает с историческими данными о передвижении соответствующих групп населения. Так, распределение на территории современной Белоруссии таких языковых черт, какими являются произношение несмягченных согласных перед гласными переднего ряда и цеканье — дзеканье при произношении согласных в том же положении, связывается с историческими данными о движении с юга украинского, т. е. южнорусского населения, а с востока на запад — восточнорусского населения (под давлением монголов). С древними передвижениями населения связывается и убывание диссимилятивного аканья и яканья в направлении с востока на запад.

Наконец, при рассмотрении проблемы средневеликорусских говоров в работе выделяются средневеликорусские говоры первичного и вторичного образований. Вместо учения об основе и наслоениях, представленных с традиционной точки зрения в любом средневеликорусском говоре, предлагается оценивать различные группы средневеликорусских говоров с учетом конкретно-исторического процесса их формирования. В зависимости от исторических условий в различных группах средневеликорусских говоров может быть представлено различное соединение языковых черт.

Само собой разумеется, однако, что круг вопросов, затронутых в данной работе, должен быть пересмотрен после того как проведено картографирование диалектных данных на основной территории Европейской части СССР. Новые диалектологические источники и карты атласов позволяют полнее вскрыть взаимодействие между основными диалектными группами русского языка в ходе их развития, показать процесс образования русского языка как единого, взятого во всем многообразии его говоров.

IV

В определенной связи с общим ходом развития диалектологических исследований в советский период стоит и появление учебников по русской диалектологии. На основе анализа и обобщения материалов, собранных еще при подготовке «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе» и опубликованных в значительной части, как уже говорилось выше, после Великой Октябрьской социалистической революции, строится ряд учебников, по характеру своему близко стоящих к тому «Очерку русской диалектологии», который был выпущен авторами «Опыта диалектологической карты» одновременно с выпуском в свет самой карты. Таковы учебники Е. Ф. Карского [43], С. А. Еремина и И. А. Фалева [44], И. Г. Голанова [45], из которых первый отличается бо́льшим удельным весом привлекаемых фактов украинского и белорусского языков.

Следует также отметить очерки русской диалектологии, включавшиеся в курсы по истории русского языка Н. Н. Дурново [46]. Н. Н. Дурново впервые в пособии учеб-

---

[43] Е. Ф. Карский. Русская диалектология. Очерк литературного русского произношения и народной речи великорусской (южновеликорусских и северовеликорусских говоров), белорусской и малорусской (украинского языка). Л., 1924.

[44] С. А. Еремин и И. А. Фалев. Русская диалектология. Хрестоматия с кратким очерком диалектологии и программой для собирания материала по народным говорам. М.— Л., 1928.

[45] И. Г. Голанов. Русская диалектология. М., 1929. На правах рукописи (в четырех выпусках).

[46] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.— Л., 1924; его же. Введение в историю русского языка. Вып. 1927.

ного типа дал формулировку ряда классификационных признаков русских диалектов и, в частности, детальную классификацию типов яканья, построенную на основе специального исследования того же автора [47]. Во «Введении в историю русского языка» дана карта, отражающая исследовательскую работу автора над диалектологическими материалами по южновеликорусскому наречию в период после выхода в свет «Опыта диалектологической карты».

В 1949 г. были опубликованы «Очерки русской диалектологии» Р. И. Аванесова (ч. 1), учебное пособие для филологических факультетов университетов и факультетов русского языка и литературы педагогических институтов, в котором автор книги имел возможность использовать также и диалектные данные, собранные в послереволюционное время, в том числе собранные им самим в течение многих лет наблюдений [48].

Центральное место в «Очерках русской диалектологии» как по объему, так и по значению занимает отдел фонетики, детально разработанный на большом материале и своеобразный по методу изложения. Здесь приводится много нового фактического материала, объяснений и соображений автора. Таково уточнение и детализация некоторых типов яканья, описание говоров, где отсутствует так называемый переход *е* в *о*, анализ разновидностей долгих шипящих по говорам, освещение некоторых вопросов заударного вокализма и др. В этом отделе автор осуществляет свой давний замысел построить общую фонетическую систему современного русского языка в целом, включая его диалекты, т. е. выделяя как общие, так и различительные признаки этой системы. В построении этой системы автор исходит из теорий

[47] Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. I. Южновеликорусское наречие. «Труды Московской диалектологической комиссии», вып. 6, 1917; вып. 7, 1918.

[48] См. рецензии на данную книгу, вышедшие в свет в период господства «нового учения» о языке и в духе этого «учения»,— Н. П. Гринковой («Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1949, т. VIII, вып. 6) и Т. П. Ломтева («Советская книга», 1950, № 3). См. также рецензию П. Я. Черных («Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1950, т. IX, вып. 6), в которой автор, напротив, без должных оснований упрекал Р. И Аванесова в проведении марристских взглядов.

фонем в том виде, как она была представлена в те годы в работах самого автора книги, П. С. Кузнецова и В. Н. Сидорова. Фонетический раздел книги сыграл значительную роль в укреплении подхода к звуковой стороне говоров как целостной системе. Он оказал также положительное влияние на повышение культуры диалектологических описаний и диссертаций по диалектологии.

Главы «Методы изучения диалектов» и «Лингвистическая география» обобщали опыт работы по подготовке атласов русских народных говоров, развернувшейся в советский период, и давали ряд полезных указаний, направлявших диалектологов в их практической работе по пути, намеченному в «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка».

Наряду с этим в книге имеются и такие не связанные с исследованием материала главы, как «Лексика», «Типы описаний диалектов», «Языковые процессы современной деревни». Последняя глава написана не без влияния, хотя и весьма внешнего, «нового учения» о языке, проявляющегося, впрочем, в частных моментах декларативного характера.

Вышедший в 1951 г. курс диалектологии П. С. Кузнецова[49] является элементарным пособием для учительских институтов.

V

Для советского периода развития диалектологии русского языка, пожалуй, более всего характерно изучение диалектов русского языка методами лингвистической географии. Как уже говорилось выше, необходимость подобного изучения подчеркивалась еще в первое послереволюционное десятилетие Московской диалектологической комиссией.

Реальные пути практического осуществления этой задачи под руководством Московской диалектологической комиссии намечаются к 30-м годам. Однако именно в это

[49] П. С. Кузнецов. Русская диалектология. М., 1951. См. также рецензии О. Н. Мораховской и Т. Г. Строгановой («Русский язык в школе», 1952, № 4) и В. В. Иванова («Вестник Московского университета», 1952, № 7).

время Н. Я. Марр и другие представители «нового учения» о языке добиваются ликвидации Московской диалектологической комиссии (1932 г.). В 1936 г. выходит «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка» [50], в котором ярко проявились установки «нового учения» о языке в области лингвистической географии. Так, в «Вопроснике» не нашли сколько-нибудь полного и систематического отражения диалектные различия русского языка, к этому времени уже весьма основательно изученные. Представляя себе диалект как сумму напластований, сложившихся в результате былых скрещений различных языков, авторы «Вопросника», решительно пренебрегая всеми научными определениями и категориями традиционной диалектологии, предлагали собирать при обследовании говоров различные группы слов, нередко объединенных по непонятному принципу. Хотя эти слова располагались под заголовками «Лексика», «Синтаксис», «Морфология», «Фонетика», их подбор совершенно не обеспечивал представления о существенных особенностях какой-либо из этих сторон языка; особенно плохо были отражены фонетические и морфологические диалектные различия русского языка [51]. На основании собранного при таком подходе материала строился вывод о смешанном характере всех языков и диалектов.

По первому изданию «Вопросника» было организовано диалектологическое обследование говоров в районе озера Селигер, проводившееся в течение трех лет. Опытное картографирование собранных материалов было предрешено уже содержанием «Вопросника». На картах «Лингвистического атласа района озера Селигер» [52] в том же противоречии со всеми общепризнанными теоре-

[50] «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка» в дальнейшем, с 1936 до 1945 г., издавался несколько раз в Ленинграде и на местах.

[51] Детальный разбор «Вопросника», как и вообще деятельности представителей «нового учения» о языке в области лингвистической географии, см. в статье: Р. И. Аванесов. Новое учение о языке и лингвистическая география. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I, М., 1951.

[52] «Лингвистический атлас района озера Селигер» был сдан в печать в 1938 г. и с того же времени стал известен в среде диалектологов-русистов; вышел в свет в 1949 г. Детальный разбор атласа см. в указанной выше статье Р. И. Аванесова.

тическими положениями русской диалектологии, при значительном влиянии западноевропейской лингвистической географии отразились установки диалектологов-марристов. При полном невнимании к общему, к системе языка, при резком выпячивании отдельного слова, взятого одновременно со всех сторон (семантической, фонетической, морфологической), карты этого атласа давали подобное противопоставление слов, взятых во всей совокупности характерных для них признаков. Неудивительно, что достаточно определенных границ языковых явлений подобные карты не отразили.

Попутно с развертыванием работы над атласами представители «нового учения» о языке публиковали статьи по основным теоретическим проблемам лингвистической географии [53].

Однако, помимо того что в построении «Вопросника» отразились установки «нового учения» о языке, для его общей структуры и разработки отдельных вопросов было характерно и общее непонимание природы языковых явлений, и незнание или игнорирование условий их реализации в говорах. Это обстоятельство приводило к выводу, что по мере развертывания работы по подготовке атласов «Вопросник» должен быть заменен программой, построенной на должном научном уровне.

Борьбу за создание новой программы для собирания сведений о говорах русского языка повели ученые-русисты, не принадлежавшие к числу сторонников «нового учения» о языке.

Этому способствовало и то обстоятельство, что в 1944 г. при возобновлении работы над атласами пришлось составлять широкий план работы. Учитывая, что на Европейской части СССР предстояло обследовать око-

---

[53] Укажем некоторые, наиболее типичные из числа подобных статей: Ф. П. Филин. Некоторые проблемы русской диалектологии. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка», вып. 5, 1949; его же. Говоры современной деревни и диалектологический атлас русского языка. «Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка», вып. 6, 1949; Б. А. Ларин. О принципах составления атласа славянских языков. «Уч. зап. Ленинградского гос. университета. Серия филологических наук», вып. 14, 1949; Б. О. Ларин. Про методологію радяньскої лінгвістичної географії. «Діалектологічний бюлетень», вип. 1. Київ, 1949.

ло 10 000 населенных пунктов, эту территорию разделили на 11 относительно самостоятельных атласов.

Научная работа подобного масштаба с привлечением сил всех филологов-русистов нашей страны требовала программы, которая критически обобщала бы все предшествующее развитие русской диалектологии и строилась бы на общепринятых в русской науке основаниях.

«Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», вышедшая первым изданием в 1945 г.[54], снабжена статьями инструктивно-методического характера и как документ, утвержденный Институтом русского языка Академии наук СССР, стала обязательной для всех организаций, работающих над атласом. *

Не охватывая всех языковых диалектных явлений, данная «Программа» включает, однако, большинство из них, а именно те, которые могут дать изоглоссы на картах атласа. «Программа» предусматривала в построении вопросов все важнейшие различия диалектов русского языка без выделения каждого из его наречий или каких-либо групп говоров, являясь, таким образом, программой для изучения любых говоров русского языка.

Каждое явление, представленное в «Программе», разработано путем постановки вопросов и подвопросов так, что ответ должен дать всестороннее освещение явления и указания на его реализацию в разных фонетических, морфологических и синтаксических условиях или разного рода лексемах.

Во вступительных статьях к «Программе» сформулировано несколько важных теоретических и методических положений, направленных на нейтрализацию пагубного влияния на русскую диалектологию со стороны представителей «нового учения» о языке.

Таково положение о том, что исследуемые и картографируемые диалектные явления должны быть пони-

[54] Программа вышла в издании Ярославского государственного педагогического института (Ярославль, 1945), Московского государственного университета (1946) и Издательства Академии наук СССР (М., 1947).

* Проект программы был обсужден в июле 1944 г. на диалектологической конференции в Вологде с участием представителей многих вузов и издан также как приложение к отчету об этой конференции (Вологда, 1945, вторично — 1946). — *Ред.*

маемы как звенья внутренне единой системы языка; их картографирование следует поэтому вести с учетом всех других связанных с ними диалектных явлений. Так разбивалось широко распространенное мнение, что лингвистической географии чужд подход к языку как системе, что она занимается лишь картографированием частных диалектных явлений.

Важное методическое положение заключалось в требовании вести сбор диалектологического материала путем организации непосредственных наблюдений, намечаемых после общего ознакомления с говором, над повседневной речью типичных представителей данного говора. Этим отменялась порочная методика «Вопросника», согласно которой сбор материала («заполнение „Вопросника“») производится от 1—2 лиц, путем «опроса», причем требовалось наблюдать не обычную разговорную речь, а так называемый «полный стиль речи», в котором снижалась бы роль редукции гласных звуков, т. е. все они звучали бы отчетливо. В «Вопроснике» делались и рекомендации, как создать условия, чтобы говорящий перешел на этот полный стиль речи. Нередко подобная методика сбора материала совершенно обесценивала сделанные записи и давала извращенное представление о звуковой системе говора.

Полное осуществление установок «Программы» и необходимое единство в работе над диалектологическими атласами были достигнуты лишь после лингвистической дискуссии 1950 г., когда развернулась в полной мере и критика извращений, имевших место в русской диалектологии, в частности в области лингвистической географии.

Работа по собиранию сведений для атласов русских народных говоров с каждым годом привлекала все большее число участников. Среди филологов нашей страны быстро и широко распространилось понимание важности для дальнейшего развития науки о русском языке такой задачи, как создание атласов. Популярность этой работы объяснялась и тем, что она открывала возможность включать в разрешение научной проблемы огромного значения не только силы преподавателей и аспирантов высших учебных заведений, но и студентов филологических факультетов. Студенты — участники диалектологи-

ческих экспедиций получают при сборе материала для атласа навыки непосредственного наблюдения живой речи, овладевают приемами лингвистического анализа собранного материала и его описания.

Развертывание работы над атласами русских народных говоров потребовало, чтобы постоянно функционировал ряд организационных центров, руководящих этой работой.

Общее руководство подготовкой атласов на территории Европейской части СССР вел после лингвистической дискуссии 1950 г. Институт языкознания АН СССР в Москве (позднее Институт русского языка), организовывавший также экспедиционное обследование, хранение материалов и составление карт для нескольких атласов. Наряду с этим работало несколько межобластных кабинетов, некоторые из них организовали полное обследование территорий, находившихся в их ведении. Так, большую работу провел межобластной кабинет в г. Куйбышеве под руководством В. А. Малаховского и А. Н. Гвоздева [55]. Под руководством Г. Г. Мельниченко в течение многих лет работал межобластной диалектологический кабинет в г. Ярославле [56]. В Казани усилиями филиала Академии наук СССР и кафедры русского языка Казанского государственного университета под руководством Е. К. Бахмутовой были собраны данные о русских говорах на территории Татарской АССР [57].

Следует вообще сказать, что создание диалектологического атласа русского языка, требовавшее обследова-

---

[55] Сведения о работе этого межобластного кабинета и материалы по говорам этой территории неоднократно публиковались, см., например: «Бюллетень Куйбышевского межобластного кабинета атласа русского языка», вып. I. Куйбышев, 1948; «Куйбышевский диалектический сборник». Под ред. В. А. Малаховского. Куйбышев, 1954. В. А. Малаховский издал «Куйбышевскую областную диалектологическую хрестоматию» («Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та», вып. 17. Куйбышев, 1957).

[56] См. Г. Г. Мельниченко. Памятка участника диалектологической экспедиции. Ярославль, 1948. Расширяя задачи своей работы, кабинет издал также «Программу собирания материалов для изучения словарного состава местных говоров» того же автора (Ярославль, 1951).

[57] См. «Материалы по диалектологии». Отв. ред. Е. К. Бахмутова. Казань, 1955; «Очерки по диалектологии Волго-Камья». Казань, 1955 («Уч. зап. Казанского гос. университета», т. 115, кн. 9).

ния методом непосредственного наблюдения многих тысяч населенных пунктов, стало возможным лишь благодаря широкому участию филологов нашей страны — членов кафедр ряда высших учебных заведений, аспирантов и студентов.

Сложившейся традицией стало и проведение ежегодных диалектологических совещаний в Москве, на которых представители многих вузов решали вопросы планирования работы по подготовке атласов, обменивались научными результатами этой работы.

В послевоенные годы развернулась и значительно продвинулась работа по подготовке атласов народных говоров Украины и Белоруссии, по диалектологическому изучению Сибири [58].

Пятнадцатилетний опыт работы по «Программе» показал, что ее теоретические установки, принципы построения и способ разработки вопросов в основном оправдали себя на практике. Недостатки частного характера, имеющиеся в «Программе», не могли быть исправлены путем внесения изменений в самый текст «Программы», так как лингвистические атласы могут быть составлены только на основе единой программы (иначе картографируемые данные оказались бы несопоставимы). Однако оказалось возможным обобщить коллективный опыт работы по «Программе», сформулировать методические указания и предложения, которые позволяют нейтрализовать некоторые частные недостатки «Программы», а главное — избежать типичных ошибок, которые встречаются в ответах, являющихся по сути дела основой всей работы по лингвистическому картографированию [59]. Выпуск в свет такого пособия способствовал повышению качества работы в целом.

---

[58] О работе по изучению говоров Сибири в этот период см.: «Четвертая научная конференция... Секция языкознания» [Доклады и сообщения]. Томск, 1955 («Труды Томского гос. университета», т. 129. Серия языкознания); «Уч. зап. Красноярского гос. пед. ин-та», том 13. Серия историко-филологическая, вып. 1 1958; «Уч. зап. Томского гос. университета», т. 39, 1959; «Материалы 2-ой зональной конференции кафедр русского языка Сибири, Урала и Дальнего Востока». Красноярск, 1958.

[59] См. Методические указания к «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка». Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой, М., 1957.

В результате этой преобретшей огромный размах работы к концу 50-х годов оказываются обследованными по сетке 15—20 км говоры населенных пунктов центральных районов Европейской части СССР. Часть этих материалов уже картографирована: подготовлены атласы центральных областей к востоку и западу от Москвы, атлас северо-западных областей (территории, окружающие Новгород, Ленинград, Псков), а также атлас юго-западных областей (Курск — Орел).

В 1957 г. вышел из печати «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» под редакцией Р. И. Аванесова.

Во вступительной статье к этому атласу основные положения советской лингвистической географии излагаются (по сравнению со вступительными статьями к «Программе») уже с учетом опыта проведенного картографирования и отражают дальнейший этап разработки вопросов лингвистической географии.

В частности, здесь получают свое обоснование принципы составления карт атласа, на многих из которых материал дается в обобщенном виде как результат определенной его интерпретации. В ряде случаев знаки карты указывают в связи с этим на то, какой характер имеют по говорам определенные явления, взятые как целостные звенья системы языка. Для того чтобы читатель атласа мог оценить правомерность той интерпретации материала, которую провел составитель карты, в атласе имеются сопроводительные статьи к каждой карте, в которых приводится соответствующий материал и обосновываются принципы их составления. Наряду с этим в атласе имеется ряд карт, посвященных отдельным словам, картографированным с различных точек зрения.

Как отмечалось в рецензиях на атлас[60], его карты доказывают, что, несмотря на длительные и в ряде случаев глубокие процессы междиалектных смешений, реально существуют не только произношение отдельных

[60] С. Б. Бернштейн. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1958, т. XVII, вып. 4, стр. 361. Ср. также рецензии З. Штибера и С. П. Обнорского («Вопросы языкознания», 1959, № 1), Я. Сафаревича («Język polski», rocz. XXXVIII, 1958, zesz. 4; «Orbis», t. VIII, № 2, 1959), Kálman Béla («Magyar nyelvőr», 82 évf., 1958, 4 sz.).

слов, но фонетические и грамматические изоглоссы, отражающие языковые явления, не связанные с определенным кругом лексики. Рецензенты единодушно признали большое значение вышедшего атласа, принципиальное отличие его методики от других лингвистических атласов и тот факт, что выход в свет диалектологического атласа, в основе которого лежит учение о системном характере языка, открывает новую страницу как в изучении русского языка, так и в разработке общей теории лингвистической географии. Отмечалось также значение русских диалектологических атласов для разрешения многих проблем сравнительного славянского языкознания.

Критические замечания по поводу атласа преимущественно были связаны с той программой, на основе которой он составлен, а именно с тем, что в ней недостаточно полно представлен круг вопросов по таким разделам, как лексика, словообразование, синтаксис.

Не следует также забывать, что в процессе подготовки атласов собрано огромное количество ответов на вопросы «Программы», которые, взятые сами по себе, также имеют большое значение и ждут своей публикации.

Не только русская диалектология, но и история русского языка, история русского народа и некоторые другие научные дисциплины получают при этом в свое распоряжение материал огромного значения. Собранные материалы имеют тем бóльшее значение, что они фиксируют состояние русских народных говоров середины XX в., в период, когда интенсивно развертывается нивелировка диалектов, этой исторически пережиточной категории, которая должна в дальнейшем исчезнуть с переходом всех говорящих на русском языке к нормализованному языку нации. Зафиксированные данные о русских народных говорах будут поэтому в течение длительного времени неиссякаемым источником для исследователей русского языка.

Самые карты подготовленных атласов явятся важным материалом при монографическом изучении истории ряда языковых явлений (см. выше о работах, построенных на основе анализа карт атласов), а тем самым при дальнейшей разработке и углублении исторической фонетики и грамматики русского языка. Проблемы исторической

диалектологии, так же, как и общий вопрос о происхождении и образовании русского языка, как и вопрос о возникновении и истории отдельных диалектных групп, получают новую основу для своего разрешения в атласах русских народных говоров[61].

---

[61] Ср. Р. И. Аванесов. Вопросы лингвистической географии русских говоров центральных областей. «Известия АН СССР, Отд. лит-ры и яз.», 1952, т. XI, вып. 2; его же. Лингвистическая география и история русского языка. «Вопросы языкознания», 1952, № 6; В. Г. Орлова. Классификация южновеликорусских говоров в свете современных диалектных данных. «Вопросы языкознания», 1955, № 6.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Л. И. Балахонова

ИСТОРИЯ СОСТАВЛЕНИЯ «ОПЫТА ОБЛАСТНОГО ВЕЛИКОРУССКОГО СЛОВАРЯ» И «ДОПОЛНЕНИЯ» К НЕМУ

В 1852 г. Академия наук издала первый, и до сих пор единственный, сводный словарь русских народных говоров — «Опыт областного великорусского словаря» (далее называется сокращенно — «Опыт»).

Русская диалектология к середине XIX в. постепенно приобретает значение самостоятельной отрасли языкознания. Именно в это время два крупнейших научных учреждения России приступили к систематическому и планомерному сбору материалов по русской диалектологии. Первенство в этом деле принадлежит Второму отделению Академии наук, начавшему собирание областной лексики с 1845 г. Почти одновременно с ним к сбору сведений по русской этнографии, вместе с языковыми данными, приступило организованное в 1845 г. Русское географическое общество. Работа Академии наук была завершена выпуском в свет «Опыта», который Ф. И. Буслаев в своей рецензии рассматривал как достойное выполнение завещания Ломоносова, предполагавшего написать работу о русских диалектах [1].

[1] Ф. И. Буслаев. Словарь областных речений великорусского наречия. «Известия ОРЯС АН», 1852, т. I, кн. 4, стр. 167.

Решение о создании «Опыта» было подготовлено многолетними работами по литературному языку, лексикографической практикой Академии наук и всем ходом общественной и литературной жизни России первой половины XIX в. Идея составления полного словаря, включающего всю лексику русского языка, проходит через лексикографические труды Академии наук в XVIII—XIX вв. Однако на практике все ограничивалось каждый раз лишь общими рассуждениями о характере словаря, его цели, принципах отбора слов. В конечном итоге в проекты словаря вводился ряд ограничений, касающихся различных лексических разрядов, в том числе и так называемых «провинциальных» слов. Как в академических словарях, так и в примыкавшем к академической традиции «Общем церковно-славяно-российском словаре» 1834 г. П. И. Соколова основным критерием отбора областных слов объявлялись ясность и точность понятия, выражаемого словом, способность диалектизма обогатить общенародный язык. Естественно, что подобный критерий вызывал возражения. В рецензии на «Словарь церковно-славянского и русского языка» 1847 г. И. И. Срезневский, например, писал: «Что такое «областные слова, которые ясностью и силою значения могут служить к обогащению общенародного наречия»? Всякое областное слово имеет в себе полную ясность и силу значения, и если бы только этого было довольно, то всякое могло бы служить к обогащению так названного общеупотребительного наречия. С другой стороны, какой составитель подобного словаря решится учить других, как и чем обогащать язык»[2].

Постепенно при подготовке общих академических словарей для их составителей становится очевидной невозможность создания полного словаря без подготовительной словарной работы, в частности без создания самостоятельного словаря диалектных слов. Не вызывала сомнения важность такого словаря и для других проектируемых Академией наук лексикографических трудов — сравнительного словаря всех славянских наречий и словопроизводного словаря. В «Плане издания словаря всех славянских наречий», составленном А. Х. Востоковым,

[2] См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1848, июнь, стр. 227—228.

прямо говорилось, что каждый из славянских языков должен быть представлен вместе «с принадлежащими ему наречиями»: «Нужно помещать все слова, в том числе и диалекты, чтобы выяснить древо языка славянского»[3].

С другой стороны, в работе Академии наук не мог не найти отражения широкий общественный интерес к «простонародному» языку, возникший еще в первую четверть XIX в., когда начался усиленный сбор и печатание в различных периодических изданиях списков областных слов, собранных любителями родного языка, и стали даже появляться отдельные статьи, посвященные теоретическим вопросам создания областного словаря. В этой связи нельзя не отметить статью профессора Казанского университета Г. С. Суровцева «Нечто о собраниях областных слов», появившуюся за несколько лет до начала работы Академии наук над «Опытом»[4]. В ней Г. С. Суровцев, характеризуя напечатанные к этому времени списки областных слов, считает их основным недостатком краткость определений слов. Он высказывает интересные замечания для будущего областного словаря: словарь должен быть не простым сводом диалектизмов, а настоящим словотолкователем, в котором, кроме значения слова, было бы дано его употребление и произношение. Г. С. Суровцев одним из первых указывает на необходимость в таком словаре сведений этнографического характера: «А еще было бы полезнее, когда при каждом новом слове приложено было и описание предмета, им означаемого, например местного растения, животного, насекомого, домашней утвари и проч. Тогда, ознакомясь с местным наречием, мы в то же время познакомились бы и с природой вещей, столь богатых и разнообразных в нашем отечестве»[5]. Эти интересные и во многом справедливые соображения Г. С. Суровцева были позднее, в пору подготовки «Опыта», повторены и развиты И. И. Срезневским.

В конце 1841 г. Российская Академия была преобразована во Второе отделение Академии наук — Отделение русского языка и словесности. В проекте академического

[3] Архив АН СССР, ф. 108, оп. 1, № 269, стр. 2.
[4] «Уч. зап. Казанского университета», 1839, кн. II, стр. 193—206.
[5] Там же, стр. 199—200.

устава 1841 г., составленном А. Х. Востоковым и Д. И. Языковым, среди будущих трудов Отделения указывался и «Словарь областных слов». Непосредственным толчком для начала работы над «Опытом» послужили письмо и несколько диалектных слов, присланные в Отделение в 1845 г. капитаном А. Зеленым [6] и переданные на рассмотрение М. Е. Лобанову. Письмо Зеленого само по себе не представляло какого-либо особого интереса по сравнению с письмами и собраниями областных слов, присланными в Отделение ранее. Среди нескольких десятков слов, присланных им, большинство даже не принадлежало русским говорам (*арба*, *абрек*, *башлык*, *пилав*, *кунак* и др.) и потому позже не вошло в «Опыт». Однако именно это письмо привело к практическим шагам в вопросе изучения диалектной лексики, предпринятым Академией наук, и было официально признано поводом к созданию «Опыта областного великорусского словаря» [7]. Но ни в отчетах по Отделению, ни в предисловии к «Опыту», ни в статье Я. К. Грота о 50-летии Отделения [8] ни слова не говорится о той роли, которую сыграл в деле организации материалов для будущего словаря М. Е. Лобанов. Именно М. Е. Лобанов явился в Отделении организатором сбора диалектной лексики, автором первой программы собирания областных слов. Эта первая программа состояла всего из трех пунктов общего характера: «1) чтобы слова были написаны безошибочно и с означением на них ударения, 2) чтобы они имели точное определение в своем значении и 3) чтобы присовокуплены были в нужных случаях употребления их» [9]. Программа, по предложению М. Е. Лобанова, в конце 1845 г. была разослана директорам и смотрителям всех губернских гимназий и училищ с просьбой

---

[6] Капитан-лейтенант А. Зеленый, служивший в Морском кадетском корпусе, с 1844 г. принимал участие в работе над «Словарем церковно-славянского и русского языка», давал толкование терминов кораблестроения и мореплавания.

[7] См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1846, ч. XLIX, отд. III, стр. 41.

[8] См. Я. К. Грот. Пятидесятилетие Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1841—1891. «Сборник ОРЯС АН», т. LIII, 1892, № 1.

[9] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 98.

принять участие в сборе местных слов, а уже через месяц был получен первый список таких слов. Присланные списки передавались М. Е. Лобанову, на которого было возложено их рассмотрение. После смерти М. Е. Лобанова в 1846 г. с мая 1847 г. до выпуска в 1858 г. «Дополнений» к «Опыту» вся работа над словарем протекала под руководством А. Х. Востокова. По мнению Я. К. Грота, подготовка к изданию «Опыта» отвлекала А. Х. Востокова от занятий, составлявших его настоящее призвание. Действительно, диалектология не входила в круг научных интересов А. Х. Востокова, как это было у И. И. Срезневского, и представляла для него лишь косвенный интерес. Несмотря на это многими своими достоинствами, особенно в грамматической части, «Опыт» обязан А. Х. Востокову.

Прежде всего А. Х. Востоков определил источники будущего словаря. Наряду со списками лексики, присланными в Академию (в эти списках, хотя и неполно, к началу 1847 г. была представлена лексика 21 губернии), А. Х. Востоков считал нужным использовать также материалы, напечатанные в «Трудах Общества любителей российской словесности». Вместе с тем А. Х. Востоков совершенно исключил многочисленные списки областных слов, печатавшиеся с начала XIX в. в различных журналах, губернских ведомостях и т. п., избрав, таким образом, как заметил позже в своей рецензии Ф. И. Буслаев, лишь материалы «из первых рук». Несколько позднее появился третий источник «Опыта»: начиная с 1848 г. словник его постоянно пополнялся лексическими материалами, которые имелись у членов Отделения (особенно материалами И. И. Срезневского и М. А. Коркунова) и были собраны ими в разное время или выписаны из различных источников. В будущий словарь А. Х. Востоков предлагал вместе со словами русских говоров включить также украинский и белорусский языки, которые он рассматривал, в согласии со взглядами своего времени, как наречия русского языка.

Весь материал А. Х. Востоков думал напечатать в двух «отделениях»: в первом — «слова, употребляемые в Северной и Средней России и Сибири», во втором — «язык малорусский и белорусский». Лексика таких губерний, как Калужская, Муромская, Тамбовская, Кур-

ская и Рязанская, включалась во второй отдел [10]. В соответствии с тем, что словарь должен был содержать лексику трех главных русских наречий, он был первоначально назван «Опыт словаря областных наречий». Однако большое количество материалов, а также те различия, которые обнаружились при близком знакомстве составителей с материалами, заставили их отказаться от мысли включить в один словарь также «наречия белорусское и малорусское..., требующие по объему и особенным свойствам своим отдельных словарей» [11]. В 1844 г. А. Х. Востоковым был написан первоначальный план построения словаря. Исходя из этого плана, «Опыт» должен был отличаться от публикаций областной лексики Обществом любителей российской словесности лишь следующим: 1) все слова располагаются в общем алфавитном своде; 2) одно и то же слово, употребляемое в разных губерниях, помещается «однажды, с указанием, где и в каких значениях употребляется»; 3) «простонародные» слова, уже напечатанные в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., не повторяются в «Опыте», если не имеют ни в каком из говоров особого значения или оттенка его; 4) все слова сопровождаются грамматическими пометами по образцу «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г. [12] Начиная работу над «Опытом», А. Х. Востоков предполагал ограничиться соблюдением только этих четырех правил, перепечатав все материалы в том виде, в каком они были присланы, исправляя лишь «явные ошибки и несообразности в значении и правописании». В действительности же придерживаться только этих правил оказалось невоз-

---

[10] При обсуждении этого вопроса в Отделении решено было, чтобы «малорусское и белорусское наречия не смешивались между собой, имели особые алфавиты».

[11] Архив АН СССР, ф. 108, оп. 1.

[12] Начиная составление «Опыта», Отделение рассматривало его лишь как дополнение к «Словарю церковно-славянского и русского языка» 1847 г. В отчете за 1847 г. сообщалось, что в «Словаре церковно-славянского и русского языка» помещены те из областных слов, которые были встречены в языке книжном. «Что касается обширнейшей их части, оно [Отделение] предположило заняться ею особенно и со временем составить из них дополнение к своему словарю, в такой мере полное, как только средства позволят» («Журнал Министерства народного просвещения», 1848, ч. LVII, отд. III, стр. 27).

можным, так как стало ясно, что этот труд должен принципиально отличаться от опытов Общества любителей российской словесности, чтобы стать не просто сводом, а словарем. Трудности обнаружились во всем: в вопросах определения значений слов, их грамматической характеристики, принципов правописания, отражения в словаре особенностей местного произношения, построения словарной статьи. «В этом труде,— писал П. А. Плетнев в отчете по Отделению,— беспрерывно возникают вопросы, совершенно отличные от тех, которые уже решены были при составлении Словаря общего русского языка. Происхождение областных слов, их правописание, формы в изменении окончаний их так разнообразны, неопределенны и сомнительны, что Отделение вынуждено останавливаться при каждом новом случае на самых мелких соображениях» [13]. Все представляло затруднение: как поступать с различными толкованиями одного и того же слова, принадлежащими разным авторам; могут ли редакторы считать себя в праве вносить изменения в определения, хотя бы за счет выбора и комбинаций разных толкований, или обязаны помещать все присланные определения одного и того же слова, так как слабое знание народных говоров не позволяло отличать, когда налицо были всего лишь разные формулировки одного значения, а когда разные определения отражали действительно существующие оттенки значения, присущие разным местностям России. (Например, к слову *разсóха* было прислано 2 определения: «1) Угол, где соединяются два тела или две ветви, расходящиеся врозь. Арханг. *Шенк.* 2) Стечение двух или более речек, вливающихся в одну реку. Сибир.». Установить, имеется ли в данном случае действительная или кажущаяся двузначность, является ли второе определение лишь конкретным употреблением того значения, которое дано в первом толковании, или в Сибири действительно слово *разсоха* имеет лишь указанное значение, можно было только при специальном исследовании.) Как показывать в словаре многочисленные фонетико-грамматические варианты одного и того же слова, принадлежащие разным местностям (например: *взáболь — взáбыль; глáжи — глажú; запохóд-*

[13] «Журнал Министерства народного просвещения», 1851, ч. LXIX, отд. III, стр. 29—30.

кой — запохóдком; латошúть — лотошúть и т. п.)? Как поступать с многочисленными диалектными фонетико-грамматическими вариантами общенародных слов и их форм в говорах, отклоняющихся от общенародной нормы (*ашшó, ащé, шшто́, úща, ищё* — еще; *гля, зля* — для; *зацéм* — зачем; *двым, двых* — двоим, двоих; *теé, тея́* — тебе, тебя; *в póте* — во рту и т. п.)? Как размещать в словаре различные фразеологические сочетания (*гладко взять, лихим матом, споконь века, слонов продавать* и т. п.)? Как поступать, если слово зафиксировано в записях не в исходной для словаря форме или если в исходной форме оно является общенародным словом (например: *«мудрéй* — умело, ловко. Пск.»)? Можно ли восстанавливать необходимые для словаря грамматические формы слов, когда они отсутствуют в записях, но легко поддаются реконструкции, а существование их не вызывает сомнений?

Эти и многие другие вопросы впервые встали перед составителями академических словарей. На заседаниях Отделения обсуждались как принципиальные вопросы составления «Опыта», так и практические правила внешнего оформления. Наиболее активное участие в обсуждении и исправлении словарных статей принимали академики М. А. Коркунов (ставший в 1849 г. соредактором А. Х. Востокова), М. А. Бередников, И. С. Бутков, И. И. Давыдов. Совершенно особая роль принадлежит И. И. Срезневскому, внесшему, по справедливому замечанию Я. К. Грота, «новую жизнь в Отделение» [14].

Ученому, необычайно разностороннему по своим научным интересам, крупнейшему знатоку русской и славянской филологии, И. И. Срезневскому были действительно близки интересы русской диалектологии, в глубоком изучении которой он видел важнейшее средство научного познания языка. И. И. Срезневский придавал очень большое значение работе над «Опытом»: «... богатство языка, разнообразие его общего и местного развития и степень его подчиненности другим языкам можно видеть всего более из словарей областных наречий и говоров»,— писал И. И. Срезневский в 1851 г. [15]

[14] См. Я. К. Грот. Указ. соч., стр. 10.

[15] См. И. И. Срезневский. Замечания о материалах для географии русского языка. «Вестник имп. Русского географического общества», 1851, ч. I, кн. 1, отд. V, стр. 18—19.

В течение многих лет И. И. Срезневский собирал для словаря материалы по русской диалектологии. В его архивах сохранились записи большого числа слов, относящихся к разным русским говорам. Из словарных запасов И. И. Срезневского в «Опыт» было заимствовано более трех тысяч слов. Собранные И. И. Срезневским извлечения из двадцати тысяч русских пословиц также были использованы в «Опыте» в качестве иллюстраций к словам.

Сразу же после своего вступления в Отделение (в 1849 г.) он обнаружил такую подготовленность и знания в области лексикографии, что уже в том же году Отделение постановило «поручить адъюнкту И. И. Срезневскому составить правила для печатания Областного словаря» [16].

То, что было написано И. И. Срезневским, в сущности было не правилами печатания, а правилами составления словаря, значительно дополнившими первоначальный «План» А. Х. Востокова. Правда, они несколько запоздали и, по-видимому, именно поэтому в отчете за 1849 г. о них даже не было упомянуто. В предисловии же к «Опыту» «Правила печатания» И. И. Срезневского названы «Программой Словаря» и приведены без даты написания [17], в результате чего создается впечатление, что при подготовке «Опыта» сначала была написана «Программа» И. И. Срезневского, а затем уже по этой «Программе» А. Х. Востоковым был составлен словарь, хотя в действительности происходило почти наоборот.

«Программа» И. И. Срезневского распадается на коротенькую общую часть и два раздела — «Слова и их значения» и «Произношение и правописание» [18].

В общей части И. И. Срезневский определяет те особенности диалектной лексики, которые, по его мнению, должны получить отражение в «Опыте». «Простонародный областной язык отличается от литературного, во-первых, особенными словами, которых в лите-

---

[16] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 108, 29/10.

[17] См. «Опыт областного великорусского словаря». Предисловие, стр. 1.

[18] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 108.

ратурном нет, и особенными значениями слов; во-вторых, особенным произношением».

В отличие от А. Х. Востокова, который только архаическую часть диалектной лексики считал важной для исследований [19], И. И. Срезневский признает научную ценность за в с е м и областными словами: «Слова областные все любопытны для филолога, одни как материал для историко-лингвистических исследований, другие для объяснения древних памятников языка» [20]. И. И. Срезневскому был в высшей степени чужд взгляд многих ученых-языковедов первой половины XIX в., которые рассматривали диалекты как «искажение», «порчу» литературного языка в устах крестьянских масс. «Исследователь беспристрастный смотрит на каждое из местных наречий с одинаковым уважением и любопытством как на местное историческое явление жизни народной»,— писал И. И. Срезневский [21].

Так как вся областная лексика представляет научную ценность, то все областные слова, по мнению И. И. Срезневского, должны быть помещены в «Опыте». Исключение составят лишь слова, которые «по своему неприличному, безнравственному значению могут казаться неуместными в книге, предназначенной для менее или более общего употребления» [22].

Первое обязательное требование, которое выдвигает И. И. Срезневский в своих «Правилах»,— необходимость помещать все слова в заголовке статьи в их исходной форме (А. Х. Востоков некоторые слова давал в титульной строке в производных формах: существительные — в косвенных падежах; глаголы — в спрягаемых формах

---

[19] Как видно из сохранившейся части первоначального предисловия к «Опыту», написанного А. Х. Востоковым, вся лексика, вошедшая в словарь, разделяется им на два класса: первый из них составляют слова, «кои по неправильности состава и уродливости своей не заслуживают внимания»; второй класс образуют слова, «кои могут служить к обогащению языка». Сюда относятся те из областных слов, которые ранее принадлежали всему языку, но исчезли из общенародного употребления и сохранились только в говорах. См. Архив АН СССР, ф. 108, оп. 1, № 284, л. 1.

[20] Там же, № 108.

[21] См. «Вестник имп. Русского географического общества», 1851, ч. I, кн. 1, отд. V, стр. 4.

[22] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 108

и т. д.). Формулируя принципы классификации значений одного слова, И. И. Срезневский считает необходимым, чтобы словарь отражал историческую последовательность развития разных значений. Касаясь правил, которые определяют единообразное построение словаря, «освобождают словарь от излишней пестроты и разбивчивости», ненужных повторений, И. И. Срезневский рекомендует широко пользоваться разного рода отсылочными определениями (при словах-синонимах, при видовых парах глагола, при существительных с уменьшительно-ласкательными, увеличительными и другими суффиксами). В первом разделе И. И. Срезневский касается также вопроса расположения фразеологизмов. Он возражает против выделения их в титульную строку словарных статей, как это делал А. Х. Востоков, считая нужным помещать их в словарных статьях тех слов, из которых они состоят.

Второй раздел «Правил» И. И. Срезневского, «Правописание и произношение», значительно более обширен, чем первый. Именно в произношении видит И. И. Срезневский «самые резкие черты отличия отдельных говоров».

Проблема отражения в словаре особенностей местного произношения оказалась для составителей «Опыта» наиболее сложной, а по существу неразрешенной и вызвала наибольшее число упреков со стороны рецензентов. В «Опыте» впервые осуществлялась научная запись слов, у которых еще не было общепринятой графической формы. Корреспонденты, приславшие в Отделение списки местных слов, стремились в написании слова отразить наиболее ясные для слуха особенности местного произношения, в результате чего в материалах оказалось большое количество фонетических вариантов одного и того же слова, присущих разным местностям России. Нужно было установить единый принцип их правописания, наметить, какие из особенностей фонетики показывать в «Опыте». Следуя своему правилу — сохранять почти в абсолютной неприкосновенности записи местных наблюдателей, считая словарь лишь первым опытом, на основе которого только в дальнейшем должны быть выработаны научные принципы построения областных словарей, А. Х. Востоков рассматривал все фонетиче-

ские варианты слов как самостоятельные слова и помещал отдельно, сопровождая определениями и грамматическими характеристиками, в результате чего одно и то же слово оказывалось помещенным в словаре два, три и более раз (например: *бажáть* и *божáть*, *елóмок* и *ялóмок*).

Против этой точки зрения решительно выступил И. И. Срезневский. «Одно и то же слово может быть произносимо в разных местах очень различно: оттого оно однако не делается многими словами»,— писал он в «Правилах» [23]. И. И. Срезневский считает не только излишним, но и неверным помещать в словаре «все выговоры всякого слова». Однако это вовсе не означает для него отказ от отражения в «Опыте» местных особенностей фонетики. И. И. Срезневский указывает на две причины образования фонетических вариантов одного и того же слова: «особенное местное развитие фонетики и случайную прихоть говора». По его мнению, особенности произношения, которые представляют собой реализацию диалектных фонетических закономерностей, присущих тому или иному говору, не должны быть показаны в словаре; детальное их исследование должно найти место в грамматических трудах о диалектах. В «Опыте» же они должны быть представлены «не отдельно по словам, а в Предисловии, на том основании, как нельзя в Словаре говорить об общих правилах словоизменения нигде, кроме Предисловия» [24]. Потому в «Опыте» не должно получить отражение оканье, яканье, цоканье и т. п. как регулярные фонетические особенности говоров.

В написании слов, различно произносимых в разных говорах, по мнению И. И. Срезневского, должен соблюдаться морфологический принцип правописания как общепринятый, «сообразный с характером всего языка народного» (например: не *латашúть*, а *лотошúть* — от *лоток*; не *тамáлка*, а *отымáлка* — от *отымать*, отнимать). Лексикализованные фонетические изменения слов, возникшие «по случайной прихоти говора» (сюда И. И. Срезневский относит, например, произношение *аржанóй*

---

[23] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 108.
[24] Там же.

вместо *ржаной*), должны регистрироваться словарём. В «Опыте» должны получить отражение также фонетико-грамматические особенности говоров, которые являются повсеместными, присущими всему «простонародному» языку. Так, например, следует все прилагательные мужского рода писать с окончанием *-ой* или *-ей* (вместо *-ый, -ий*), так как такое написание отразит общенародное произношение. Но если, например, для возвратных глаголов существует в говорах несколько разновидностей возвратной частицы (*-ca, -си, -сы*), для инфинитива несколько разновидностей флексии (*-ть, -чи, -ти*), то следует в написании сохранять общенародную форму: для возвратных глаголов *-ся,* для инфинитива *-ть, -чь.* На том же основании И. И. Срезневский предлагает дополнить в словаре общенародный алфавит буквами *ё* и *г* фрикативным, так как в говорах различаются *е* и *ё*, *г* взрывное и *г* фрикативное, и во всех словах, где они встречаются, отмечать их в написании.

Во втором разделе «Правил» И. И. Срезневский касается также вопроса словоударения. «Как одно и то же слово, имея по разным местностям разные выговоры, не сделается от этого из одного слова несколькими, так же не сделается оно несколькими от различия в ударении»[25]. На этом основании И. И. Срезневский считает, что областное слово, имеющее различное ударение в разных местностях, в «Опыте» должно помещаться лишь один раз, при этом приводиться в титуле вовсе без ударения, а в скобках должны быть проставлены варианты ударения с указанием места распространения.

Этими вопросами исчерпывается «Программа» И. И. Срезневского. Наиболее подробно И. И. Срезневский рассмотрел вопрос показа фонетических особенностей говоров, остальные же проблемы построения «Опыта» затронуты очень кратко, вскользь, многие не рассматривались вовсе. Это объясняется прежде всего тем, что перед И. И. Срезневским не стояла задача детальной разработки принципов построения областного словаря. Перед ним была выполненная часть работы, основных принципов которой он был обязан придерживаться, исправляя лишь явные ошибки, промахи и непо-

[25] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 108.

следовательность. Эту задачу и стремился выполнить И. И. Срезневский в своих «Правилах». Именно поэтому он почти не касался многих принципиальных вопросов. Отсутствие их в «Правилах» не означало, что И. И. Срезневский был согласен со всеми принципами, положенными в основу «Опыта». Научные установки И. И. Срезневского в отношении областных словарей, в разное время им выдвинутые и частично продуманные в самом процессе подготовки «Опыта», можно свести к трем основным пунктам: 1) широкое использование в семантической характеристике слов этнографических фактов, связанных со значением слова и иллюстрирующих это значение, 2) широкое привлечение произведений устного народного творчества в качестве иллюстративного материала, 3) установление возможной полноты географических показаний.

Еще в 1848 г., рецензируя «Словарь церковнославянского и русского языка», И. И. Срезневский указывал как на существенный недостаток всех словарей на пренебрежение историко-этнографическими объяснениями слов: «Словарь с объяснениями историко-этнографическими всегда будет предпочтен словарю, в котором их нет»[26]. Тем более, по мнению И. И. Срезневского, историко-этнографические объяснения необходимы в словарях областных, исторических и т. д., где краткое толкование не дает представления о предмете, понятии, явлении, обозначаемом словом: «Невозможность краткого определения слов, связанных понятием, им выраженным, только с некоторыми местностями или временем, предполагает необходимость объяснений наиболее отчетливых, нераздельных со знанием народного быта и обычаев, и чем менее общее, менее известное понятие, выражаемое словом,— будь это предмет, действие и т. п.,— тем подробнее должно быть объяснено оно»[27]. Эта установка И. И. Срезневского не могла быть поддержана Отделением в период подготовки «Опыта». «Программа» 1845 г. не указывала на необходимость дополнения определения слов этнографическими сведе-

[26] См. «Журнал Министерства народного просвещения», 1848, ч. LVII, март, отд. VI, стр. 170.
[27] Там же, стр. 169.

ниями, так как это не представлялось Отделению интересным и важным.

Глубоко интересуясь всеми видами народного творчества, И. И. Срезневский, в течение многих лет собиравший пословицы и поговорки, вносил многие из них как иллюстративный материал к словам, помещенным в «Опыте». В донесении Отделению в 1850 г. он обратил внимание членов его на необходимость широкого использования в «Опыте» в качестве иллюстративного материала произведений устного народного творчества: «При составлении словарей русских до недавних пор почти не было обращено внимания на ту часть языка русского, которая, составляя общее достояние русского народа, хранится в его пословицах, поговорках, песнях и сказках, и из которых уже очень многое внесено в литературный язык нашими образцовыми писателями — Державиным, Фонвизиным, Крыловым, Жуковским, Пушкиным и др.» [28]. Но и это положение не могло быть поддержано Отделением не только из-за отсутствия материала, но также из-за требования предельно ограниченно использовать иллюстративный материал при определении слов.

Что касается указаний на распространение слов, то их значение стало ясно И. И. Срезневскому только в процессе работы над «Опытом», географические показания которого были отрывочны и неопределенны и после выхода «Опыта» в свет вызывали много упреков рецензентов. И. И. Срезневский неоднократно выступал в Русском географическом обществе, членом которого он был, с докладами о важности, изучения говоров в аспекте их территориальной дифференциации. Так, он первый обратил внимание членов Общества «на географию русского языка — предмет любопытный и новый для изучения» [29].

Несколько позднее, в 1856 г., став председателем Этнографического отделения Русского географического общества, И. И. Срезневский внес предложение об издании материалов для этнографического словаря русско-

---

[28] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 110, 23/11.

[29] «Журнал Министерства народного просвещения», 1852, ч. LXXIII, январь — март, отд. III, стр. 49.

го языка. «Побудительной причиной к тому было, что в изданный Академией наук «Областной словарь» вошли только общие объяснения слов, без подробностей этнографических»[30]. К сожалению, труд этот, редакцию которого взял на себя И. И. Срезневский, не был окончен и не издавался.

Таким образом, принципиальные установки И. И. Срезневского в отношении областных словарей далеко не совпадали с установками Второго отделения Академии наук.

Что касается «Правил» И. И. Срезневского, то члены Отделения, обсудив, приняли их, поручив И. И. Срезневскому исправление первых корректурных листов, высказавшись лишь против требования И. И. Срезневского все слова помещать в «Опыте» в их исходной форме (что в ряде случаев не могло быть выполнено) и против написания прилагательных в именительном падеже единственного числа мужского рода с окончаниями *-ой*, *-ей* (вместо *-ый*, *-ий*). Затруднительным показался членам Отделения и принцип показа фонетических особенностей говоров, предложенный И. И. Срезневским. В окончательном решении о правилах издания он был значительно упрощен, что вызывало постоянные нападки В. И. Даля на «Опыт». Было решено «разные выговоры одного и того же слова помещать отдельно в Словаре, но определять только одно из них, а при прочих делать ссылки на объясненное уже слово»[31].

И. И. Срезневский исправил первые листы «Опыта», остальные уже печатались на основе «Правил» (хотя некоторые из пунктов «Правил» так и не были осуществлены).

Следуя требованию И. И. Срезневского дать к «Опыту» подробное введение, в котором надлежало изложить наиболее важные черты грамматических и фонетических особенностей говоров, Отделение в начале 1851 г. поручило А. Х. Востокову и

---

[30] См. «История полувековой деятельности имп. Русск. геогр. общ. 1845—1895, составл. П. П. Семеновым» (цит. по изд.: П. К. Симони. Русский язык в его наречиях и говорах. «Известия ОРЯС АН», 1896, т. I, кн. 1, стр. 142—143).

[31] Архив АН СССР, ф. I, оп. I, № 10.

И. И. Срезневскому составить вопросник для рассылки его корреспондентам с просьбой «объяснить подробно фонетические и грамматические изменения по возможности всех местных наречий» [32]. Осталось неизвестным, был ли он составлен и разослан, были ли получены ответы. К сожалению, по-видимому, нет, так как на заседаниях не зачитывались ни вопросник, ни ответы на него в то время как все вопросы, связанные с «Опытом» подробно обсуждались в Отделении. По всей вероятности, А. Х. Востоков написал к «Опыту» предисловие с изложением своих наблюдений над фонетическими и грамматическими изменениями в областных словах на основе тех очень беглых, отрывочных сведений, которые имелись в материалах, присланных в Отделение его корреспондентами вместе со словами [33]. Отсутствие теоретического предисловия в «Опыте» рассматривалось его рецензентами (Я. К. Гротом, В. И. Далем) как существенный недостаток.

В течение 1850—1851 гг. основным и постоянным занятием Отделения было чтение листов «Опыта». По мере отпечатания листы поступали к членам Отделения для предварительного просмотра, затем подвергались тщательному обсуждению на заседаниях. При этом почти всеми присутствующими членами делались замечания, на основе которых А. Х. Востоков сразу же вносил исправления в листы. Затем листы окончательно просматривались председательствующим В. А. Поленовым (после его смерти — И. И. Давыдовым), после чего уже никаких исправлений, дополнений не вносилось. Такое коллективное редактирование помогло устранить многие ошибки, достичь большей точности в определении слов, обеспечило бо́льшую последовательность в построении «Опыта».

Подготавливая «Опыт», Отделение поддерживало связь со многими лингвистами или просто знатоками родного языка. Наиболее продолжительной была связь с В. И. Далем, ставшим корреспондентом Академии еще в 30-е годы.

---

[32] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 112.

[33] Подтверждение этого предположения Л. И. Балахоновой требует дополнительных разысканий.— *Ред.*

В конце 40-х годов, занимаясь составлением «Опыта» и подготовляя второе издание «Словаря церковно-славянского и русского языка», Отделение направило В. И. Далю письмо, предлагая ему принять участие в лексикографических трудах Академии наук. В ответном письме (7 февраля 1848 г.) В. И. Даль писал: «Убедившись в течение времени, что составление полного Словаря, особенно на предполагаемых мною основаниях, есть труд непосильный для одного человека... я предвижу, что не доживу до окончания заданного себе урока, и потому с удовольствием соглашаюсь на сделанное мне почетное предложение участвовать в словарных трудах Академии» [34].

Как видно из письма В. И. Даля, в конце 40-х годов им еще владели сомнения, сумеет ли он осуществить свою мечту и создать такой словарь «живого русского языка», какой он задумал. Потому В. И. Даль решил передать Академии все свои лексические собрания. Он предлагал Отделению, наряду с добавлением к «Словарю церковно-славянского и русского языка» поговорок и пословиц, воспользоваться также его материалами, состоящими из «сборников слов, принадлежащих русским наречиям (мало- и белорусскому) и областным говорам». Для этого В. И. Даль просил высылать ему подготовленные части «Опыта», в которые бы он мог добавлять пропущенные слова вместе с их толкованиями.

Отделение приняло предложение В. И. Даля и просило прислать, как и предлагал В. И. Даль, для образца тысячу пропущенных слов и дополнений к «Словарю церковно-славянского и русского языка» (что он сделал в сентябре 1848 г.). Присланные В. И. Далем материалы были переданы для рассмотрения В. А Поленову, А. Х. Востокову, И. И. Давыдову, П. А. Плетневу, И. С. Кочетову и М. А. Бередникову, а затем зачитаны на заседаниях Отделения. Все академики в своих «Мнениях» указывали, что слова В. И. Даля являются преимущественно общеупотребительными «простонародными» и должны быть помещены в новом издании «Словаря церковно-славянского и русского

[34] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 106.

языка»[35]. Часть же слов является собственно областными, например: *ставник* (большой церковный подсвечник), *выводок* (целое гнездо, семья животных), *потусь* (до тех пор), *чапан* (кафтан), *почесть* (почти) и др. В отношении их члены Отделения постановили: «касательно областных речений... по прочтении всех, доставленных г. Далем слов, просить его о доставлении сведений, в каких губерниях и уездах Российской империи они употребляются»[36].

Известно, однако, что присланные В. И. Далем материалы ограничились этой тысячей слов и дополнений. Архивные материалы (переписка В. И. Даля с Отделением) не дают возможности точно установить причину разрыва. Может быть, затерялась часть писем. В. И. Даль, как известно, во всем винил Отделение, отказавшееся от его лексических запасов, по его мнению, не вполне доверяя им[37].

Имеющиеся архивные материалы все же позволяют несколько уточнить и дополнить общеизвестные сведения о переговорах Академии наук с В. И. Далем о его словарных «запасах», о его отношении к издаваемому «Опыту».

Несмотря на то что в конце 40-х годов Отделение отказалось и от материалов В. И. Даля, и от его участия в лексикографических работах Академии наук, В. И. Даль не переставал проявлять большой интерес, даже заботу об «Опыте», бескорыстную готовность принести посильную помощь в разрешении трудных вопросов при его составлении. Так, прочитав отчет Отделения за 1850 г., где указывалось на непредвиденные трудности, возникшие при составлении «Опыта», в частности при решении вопросов о правописании («Правила», написанные И. И. Срезневским, как уже было сказано

[35] См., например, «Мнение» И. И. Давыдова (Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 83, стр. 43) или «Мнение» П. А. Плетнева (Там же, ф. 9, оп. 1, № 83, стр. 47).

[36] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 106, 18/9.

[37] См. В. И. Даль. Напутное слово. «Толковый словарь живого великорусского языка», т. I, стр. XVI. В своем письме в Отделение В. И. Даль писал: «...так как запасы мои взяты не из книг, а из живого устного языка, то я не могу представить никаких ссылок или доказательств на то, что слова эти истинно употребляются в объясненных мною значениях» (Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 106).

выше, в отчете не упоминались), В. И. Даль решил поделиться с Отделением собственными соображениями по этому вопросу [38]. «Записка» В. И. Даля, присланная вместе с письмом на имя председательствующего, так и называлась «О правописаниях в наречиях русского языка» [39]. В «Записке» В. И. Даль излагает некоторые свои мысли о фонетических особенностях русских говоров и литературного языка, позднее развитые в его статьях. Задача словаря, по мнению В. И. Даля, состоит, с одной стороны, в сохранении по возможности общепринятого правописания, с другой — в стремлении показать особенности местного произношения. Чтобы осуществить это, В. И. Даль предлагает приблизительно те же приемы, что и И. И. Срезневский в своих «Правилах»: в предисловии систематизировать общие сведения об особенностях произношения в отдельных говорах, а в самом словаре сохранить общепринятое правописание, отмечая в словах особыми знаками те буквы, которые произносятся в каких-либо говорах отлично от написания. Таким образом, словарь обратит внимание читателя на то, что данное слово произносится в разных говорах по-разному; предисловие же конкретно укажет, как именно и где произносится соответствующий звук.

Выполнение этих правил, по мнению В. И. Даля, позволит: «1) ...указать, как можно вернее, местный говор или произношение. 2) ...ввести в этом деле однообразно общий закон, без коего в правописании было бы слишком много пестроты и произвола. 3) ...самим правописанием указать на корень, происхождение слова, иначе утратится природная связь наречия с языком. 4) ...легче понять и уразуметь слово, которое, будучи написано на слух, будет нам казаться чуждым и непонятным» [40].

«Записка» В. И. Даля была передана на рассмотрение И. И. Срезневскому, который сообщил членам Отделения, что все правила, предлагаемые В. И. Далем, уже приняты во внимание редакцией «Опыта».

---

[38] В письме В. И. Даль писал: «Своими соображениями о правописании в словаре желал бы только показать участие, которое принимаю в сем общем и особенно близком для меня деле, равно как полную готовность мою принести в дань посильную крупицу» (ф. 1, оп. 1, № 112, 12/8).

[39] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 93, стр. 84.

[40] Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 96.

Письмо В. И. Даля привело к возобновлению переговоров о его словарных материалах, на этот раз о собственно диалектной лексике. Теперь, через три года, послав В. И. Далю отпечатанные листы «Опыта», Отделение обратилось к нему с тем самым предложением, с которым в 1848 г. В. И. Даль напрасно обращался к Отделению: присылать ему листы «Опыта» с тем, чтобы В. И. Даль исправлял и пополнял его своими материалами. В. И. Даль на этот раз решительно отказался от предложения Отделения. Прежде всего он ссылался на очевидную запоздалость предложения: печатание «Опыта» подходило к концу. Но, конечно, главной причиной отказа было несогласие В. И. Даля с основными принципами «Опыта», с которым он теперь познакомился. В. И. Даль не хотел свои богатейшие материалы по областной лексике отдать в качестве простого дополнения к лексикографическому труду, основы которого казались ему неверными, ошибочными: «Если бы я высыпал запасы эти, сколь бы они ни были значительны, в Словарь Академии, то труды и заботы всей жизни моей расплылися незаметно и притом вовсе не в таком порядке и не в таком виде и нерусской одежде, в каком они у меня продолжительными и усиленными трудами подготовлены» [41].

В своем письме В. И. Даль высказывает те самые замечания об «Опыте», к которым он вернется еще раз в 1852 г., а потом подробнее изложит в статье «О наречиях русского языка». «В Словаре встречаются, как мне кажется, все неудобства принятого правописания из говора» [42]. В подтверждение В. И. Даль приводит несколько слов из просмотренных листов, правописание которых является неверным: слова *бротать, истобок, латошить, галанить, биздиля,* как они написаны в «Опыте», на самом деле являются лишь фонетическими вариантами слов *обротать, истопок, лоташить, голанить, безделя.* При том принципе правописания, которого придерживались редакторы «Опыта», по мнению В. И. Даля, трудно объяснить значение слова, так как теряется его связь с однокоренными словами, теряется само представление о словопроизводстве.

[41] Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 80.
[42] Там же.

В том же письме В. И. Даль предостерегает редакторов «Опыта» от некритического отношения к областным материалам М. Н. Макарова, которыми пользовался А. Х. Востоков при составлении «Опыта»: М. Н. Макаров «сочинял и переделывал слова, придумывал им небывалое значение».

Отказавшись от присылки дополнений, В. И. Даль согласился, однако, просматривать корректурные листы, чтобы исправлять ошибки, имеющие в «Опыте». В начале 1852 г. В. И. Даль вновь прислал письмо с замечаниями; и на этот раз его замечания касались вопроса о принятом в «Опыте» правописании.

Интерес к еще не вышедшему «Опыту» был так велик, что в Отделение стали приходить письма от крупнейших филологов того времени с предложениями посильной помощи в проводимой работе. Так, в конце 1851 г. пришло письмо от Ф. И. Буслаева [43], в котором он писал: «Мне известно, что II Отделение Академии поручило некоторым особам просмотрение Областного словаря, для дополнений и прибавлений. Это превосходное издание, бесспорно имеющее произвести эпоху в изучении русского языка и быта; я случайно видел, а, просмотрев несколько страниц, заметил, что и я мог бы сообщить несколько дополнений, думаю, не бесполезных». Ф. И. Буслаев сообщал, что у него собрано три тысячи пословиц и поговорок, выписанных из старинных рукописей, которыми он мог бы дополнить «Опыт». Отделение послало Ф. И. Буслаеву 30 отпечатанных к тому времени листов и скоро получило от него дополнения и некоторые замечания [44]. К сожалению, пословицы и поговорки, собранные Ф. И. Буслаевым, почти не были использованы для дополнений, так как они не были снабжены указаниями о месте распространения. Несколько позднее Ф. И. Буслаевым было написано две статьи об «Опыте» [45].

В 1851 г., который явился годом завершения основной части «Опыта» (отпечатано было 30 листов из 35), работа, связанная с ним, не затихла, но, наоборот, зна-

[43] Архив АН СССР, ф. 9, оп. 1, № 96, 17/11.
[44] Там же, № 126.
[45] См. «Отечественные записки», 1852, т. LXXXV, ноябрь; «Известия ОРЯС АН», 1852, т. I, вып. 4.

чительно усилилась. Это объясняется не только тем, что первая книга «Опыта» не исчерпала всех запасов слов, присланных корреспондентами Отделения и внесенных его членами, и нужно было готовить к изданию «Дополнение», но и тем, что работа над «Опытом» породила ряд научных проблем, направленных на дальнейшее изучение живой народной речи, решением которых и занялось Отделение наряду с окончанием «Опыта».

Так как при подготовке «Опыта» одной из самых больших трудностей для его составителей было выяснение этимологии областных слов, что порождало много других затруднений и ошибок, то Отделение занялось изучением происхождения областных слов и прежде всего тех, которые были заимствованы из других языков и сохранились только в говорах; слов, которые в разных местностях России служили «крепкими памятниками старых судеб ее». С этой целью Отделение обратилось к ряду академиков и профессоров — специалистов по восточным, скандинавским и другим языкам — с просьбой просматривать по мере отпечатания листы «Опыта», отмечая и объясняя те слова, которые, по их мнению, являются заимствованными из других языков. Такие письма были посланы академикам О. Н. Бетлингу, Б. А. Дорну, А. М. Шегрену, профессорам А. К. Казембеку, Я. К. Гроту, И. Н. Березину, И. М. Ковалевскому, П. И. Петрову, П. С. Савельеву, В. В. Григорьеву, П. И. Савваитову, А. А. Бобровникову, В. П. Дубровскому и др. Все эти ученые с готовностью откликнулись на предложение Отделения и постепенно присылали свои наблюдения, которые печатались в «Известиях» Отделения (редактором «Известий» был избран И. И. Срезневский) под общим названием «Материалы для сравнительного словаря русского языка и других славянских наречий»[46].

Другим направлением деятельности Отделения, также связанным с работой над «Опытом», было собирание памятников живого русского языка и народной словесности. В конце 1851 г. И. И. Срезневский составил «Программу для собирания образцов народного языка

[46] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 114, 8/3.

и словесности»[47]. В «Программе» И. И. Срезневского, обращенной ко всем «сочувствующим нуждам наук», наряду с пунктами, касающимися собирания произведений фольклора, несколько пунктов относились непосредственно к правилам собирания диалектной лексики. В них И. И. Срезневский рекомендует местному наблюдателю не забывать в своих записях: «1) об особенностях выговора, 2) об особенностях форм слов и их изменений, 3) об особенностях сочетания слов, 4) об особенностях в выборе слов и выражений, 5) пространство, в котором этот выговор господствует»[48].

На большую важность пятого пункта (об установлении точных границ распространения отдельных говоров) И. И. Срезневский еще раз указал в своей записке «Частные вопросы о местных видоизменениях русского народного языка», которую рассматривал как дополнение к «Программе»[49].

По сравнению с инструкцией 1845 г. «Программа» И. И. Срезневского была большим шагом вперед. В ней уже отражался более глубокий интерес к особенностям русских говоров, интерес не только к лексике, но и к грамматическим и фонетическим особенностям, к географической дифференциации. В своей программе И. И. Срезневский подчеркнул особое значение иллюстративного материала. Он требовал, чтобы на каждое слово было приведено достаточное количество объяснительных примеров. «Чем более таких образцов,— писал он,— и чем они разнообразнее, тем лучше...»[50].

«Программа» И. И. Срезневского вызвала у широкой общественности большой интерес к собиранию материалов по русской диалектологии.

Один из корреспондентов Отделения предложил даже учредить во всех русских городах для собирания слов, пословиц, сказок, песен и т. д. особые комитеты, в губернских городах — под председательством директоров

---

[47] Архив АН СССР, ф. 1, оп., 1 № 112. См. также «Журнал Министерства народного просвещения», 1852, ч. LXXIII, январь — март, отд. III, стр. 72—75.

[48] Там же.

[49] «Известия ОРЯС АН», 1852, т. I, Прибавления: Памятники и образцы народного языка и словесности, стлб. 2—3.

[50] «Журнал Министерства народного просвещения», 1852, ч. LXXIII, январь — март, отд. III, стр. 73.

гимназии, а в уездных — под председательством штатных смотрителей. Эта мера, по его мнению, дала бы более полные сведения по русской диалектологии [51].

К концу 1851 г. работа по изданию «Опыта областного великорусского словаря» была в основном закончена: он вышел в конце марта 1852 г. в одном томе, содержавшем 18 011 слов на 35 печатных листах. Таким образом, вся работа по составлению и изданию «Опыта» была завершена в 6 лет 3 месяца (считая со времени рассылки первой инструкции в декабре 1845 г.).

Результаты работы значительно превзошли первоначальные намерения и планы Отделения. Если, начиная работу над «Опытом», Отделение видело в нем только вспомогательную, подготовительную ступень для словарей словопроизводного и полного, а собственный интерес к диалектам видело лишь «...в общем возбуждении идеи разграничения слов, принадлежащих языку всего народа, и слов, составляющих исключительную собственность определенного места или края» [52], то, оканчивая издание «Опыта», Отделение ясно видело широкие перспективы, которые открывает изучение диалектологии. Для Отделения были очевидны многие недостатки и ошибки, допущенные при подготовке «Опыта»; на некоторые ошибки указывали корреспонденты и рецензенты. Все это подсказывало необходимость нового издания «Опыта», в котором можно было бы учесть и опыт составителей, и выявленные недочеты. Отделение имело намерение выпустить такое издание, однако первоочередную свою задачу видело в напечатании «Дополнения» к «Опыту», построенного на тех же принципах: «Соединивши в одно целое дополнения Словаря..., Отделение получит возможность в новом издании сообщить Словарю окончательные совершенства. Но прежде всего оно позаботится напечатать „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря“»,— писал в отчете за 1852 г. П. А. Плетнев [53].

Между завершением «Опыта» и началом работы над «Дополнением» не было перерыва. В январе 1852 г. вместе с двумя последними листами «Опыта» были

[51] Архив АН СССР, ф. 1, оп. 1, № 114, 21/5.
[52] «Известия ОРЯС АН», 1853, т. II, вып. 2, стлб. 35.
[53] Там же, стлб. 36.

просмотрены на заседании Отделения составленные А. Х. Востоковым два листа «Дополнения».

По «Программе» И. И. Срезневского, разосланной в 1852 г., было получено много новых материалов. Теперь состав корреспондентов был более разнообразен [54]. Наряду с учителями, иногда теми же, которые участвовали в подготовке «Опыта» (А. Фортунатов, Тимофеев, Базилевский, Хованский и др.), в числе авторов «Дополнения» были местные чиновники, священники, врачи, студенты и другие представители интеллигенции. Основную часть «Дополнения» составили «Собрания местных слов Псковской и Тверской губерний», присланные в течение ряда лет Карповым (окончившим Псковскую гимназию и ставшим позднее учителем Могилевского приходского училища): всего Карпов прислал 13 269 слов (в 13 сборниках). Остальные собрания были во много раз меньше, содержали редко более тысячи, чаще — сотни, десятки слов, а иногда отдельные слова. Несколько дополнений к словарю Отделение получило от ученых, участвовавших в проверке листов «Опыта»: от академика А. М. Шегрена, профессоров В. В. Григорьева, И. Н. Березина, Ф. И. Буслаева. Наконец, в 1852—1854 гг. продолжали вносить дополнения сами члены Отделения: М. А. Бередников — по Тихвинскому уезду Новгородской губернии, И. С. Кочетов, И. И. Срезневский — по разным губерниям. Собранные материалы представляли лексику более тридцати губерний (материал по некоторым губерниям, например Петербургской, появляется только в «Дополнении») [55].

В ряде случаев корреспонденты прилагали к присланным словам заметки о фонетико-грамматических особенностях говора, которые А. Х. Востоков учитывал при составлении «Дополнения».

В отличие от «Опыта» листы «Дополнения» не зачитывались на заседаниях Отделения. Это отрицательно

[54] «Дополнение» вышло без предисловия и без списка источников, так что только по архивным данным удалось установить, кто участвовал в его подготовке.

[55] В связи с тем, что материалы не переставали поступать, когда составление «Дополнения» было почти окончено, А. Х. Востоков составил новый алфавитный свод областных слов до буквы *У* включительно, который вошел в «Дополнение» под заглавием «Еще дополнение».

сказалось на качестве «Дополнения»: оно обработано со значительно меньшей тщательностью, больше пропущено неясных, стилистически неудачных определений, во многих словах нет ударений и т. п.

Подготовка «Дополнения» продолжалась около 7 лет; таким образом, весь областной словарь был создан за 13 лет (с 1846 г. по 1858 г.).

Несмотря на многие недостатки, неизбежные в первом опыте словарного труда, охватывающего всю лексику русских говоров, крупнейшие языковеды XIX в. (в том числе Ф. И. Буслаев и Я. К. Грот) рассматривали «Опыт областного великорусского словаря» как один из важнейших памятников деятельности Второго отделения Академии наук, положивший начало новому этапу в развитии отечественного языкознания.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аванесов Р. И. 43, 69, 73, 75, 84, 85, 87, 88, 89, 94, 95, 97
Базилевский 123
Барсов А. А. 10
Бартенев В. 49
Бахилина Н. Б. 74
Бахмутова Е. К. 93
Бередников М. А. 105, 115, 123
Бередников Я. И. 13
Березин И. Н. 120, 123
Бернштейн С. Б. 95
Бетлинг О. Н. 120
Бобровников А. А. 120
Богораз В. Г. 49, 65
Богородицкий В. А. 49, 65
Бодуэн де Куртенэ И. А. 46
Болховитинов Е. 15
Брандт Р. Ф. 59
Брок О. 57, 58, 72
Бромлей С. В. 79
Бубрих Д. В. 57, 72
Будде Е. Ф. 38, 39, 40, 42, 44, 46, 49, 57, 63, 64
Булатова Л. Н. 79
Булич С. К. 10, 12
Бутков И. С. 105
Буслаев Ф. И. 98, 102, 119, 123, 124
Васильев Л. Л. 3, 45, 74
Васнецов Н. М. 65
Виноградов В. В. 74
Востоков А. Х. 13, 99, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 113, 114, 115, 119, 122, 123
Высотский С. С. 39, 73, 78
Гвоздев А. Н. 69, 93
Георгиевский А. П. 70
Глушков И. Ф. 12
Голанов И. Г. 60, 68, 86
Городцов В. А. 59
Грандилевский А. 65
Григорьев А. Д. 4, 59, 70
Григорьев В. В. 120, 123
Гринкова Н. П. 72, 81, 83, 87
Гришкин И. С. 55, 56
Грот Я. К. 101, 102, 105, 114, 120, 124
Давыдов И. И. 105, 114, 115, 116
Даль В. И. 3, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 31, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119
Дорн Б. А. 120
Дубровский В. П. 120
Дурново Н. Н. 3, 39, 40, 46, 47, 48, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 72, 74, 85, 86, 87
Еремин С. А. 69, 86
Захарова К. Ф. 77
Зеленин Д. К. 49, 50, 51
Зеленый А. 101
Земская В. В. 78
Иванов В. В. 88
Казембек А. К. 120
Калнынь Л. Э. 74
Канкава М. В. 23
Каринский Н. М. 37, 38, 48, 56, 61, 63, 71, 80, 81
Карпов 123
Карский Е. Ф. 57, 86
Касвин Г. А. 78
Кеппен П. И. 15
Ковалевский И. М. 120
Колосов М. А. 3, 28, 31
Копитар В. 16

Копорский С. А. 69, 76
Коркунов М. А. 102, 105
Корш Ф. Е. 59
Котков С. И. 73
Кочетов И. С. 115, 123
Кузнецов П. С. 73, 78, 88
Кузьмина И. Б. 80
Куликовский Г. И. 65
Лавровский П. А. 3, 26
Ларин Б. А. 90
Лобанов М. Е. 101, 102
Ломоносов М. В. 8, 9, 10, 13
Ломтев Т. П. 87
Ляпунов Б. 58
Мадуев А. С. 59
Макаров М. Н. 11, 12, 119
Максимович М. А. 18, 27
Малаховский В. А. 93
Мансикка В. П. 60
Марр Н. Я. 83, 89
Машкин А. С. 45
Мельниченко Г. Г. 82, 93
Миллер В. Ф. 39
Миртов А. В. 69
Мораховская О. Н. 73, 88
Надеждин Н. И. 16, 17
Немченко Е. В. 80
Обнорский С. П. 74, 75, 77, 78, 95
Орлова В. Г. 73, 75, 76, 82, 94, 97
Петров П. И. 120
Петровская Ю. В. 69
Плетнев П. А. 104, 115, 122
Погодин М. П. 27
Подвысоцкий А. 65
Пожарицкая С. К. 77
Поленов В. А. 114, 115
Попов Н. 10
Поржезинский В. К. 59
Потебня А. А. 3, 27, 28, 31
Расторгуев П. А. 3, 43
Савваитов П. И. 120
Савельев П. С. 16, 17, 18, 19
Савельев П. 120
Сафаревич Я. 95
Сахаров И. 16, 19
Селищев А. М. 3, 4, 70, 84
Сидоров В. Н. 69, 73, 76, 88
Симони П. К. 7, 10, 11, 13, 15, 113
Смирнов И. Т. 65
Соболевский А. И. 3, 5, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 42, 44, 45, 46, 59, 61, 62, 63, 65
Соколов Б. М. 59
Соколов Н. Н. 3, 40, 58, 59, 60, 61, 62
Соколов П. И. 99
Соколов Ю. М. 59
Сологуб А. И. 79, 82
Срезневский И. И. 3, 4, 13, 24, 25, 26, 58, 99, 100, 102, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 114, 116, 117, 120, 121, 123
Строганова Т. Г. 73, 77, 88
Сумароков А. П. 10
Суровцев Г. С. 100
Сухомлинов М. И. 10
Татищев В. Н. 10
Тимофеев 123
Тредьяковский В. К. 7, 8
Ушаков Д. Н. 40, 58, 59, 61
Фалев И. А. 86
Федорова К. А. 73
Филатов К. 36
Филин Ф. П. 80, 81, 82, 90
Фортунатов А. 123
Фортунатов Ф. Ф. 38, 40, 42, 57, 58, 63
Халанский М. Г. 36, 37, 49, 57
Хованский 123
Цомакион Н. А. 70
Черных П. Я. 70, 87
Чернышев В. И. 3, 56, 57, 69
Чудовский П. 36
Шабалин М. Н. 74
Шайтанова Г. В. 74
Шапиро А. Б. 79
Шахматов А. А. 3, 5, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 55, 56, 57, 59, 62, 63, 65, 72, 74, 75, 85
Шегрен А. М. 120, 123
Штибер З. 95
Щепкин В. П. 59
Языков Д. И. 101
Kálman Béla 95

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

И. А. Оссовецкий. Начальные этапы развития русской диалектологии 7

С. С. Высотский. Развитие русской диалектологии в конце XIX в. и в начале XX в. (до Великой Октябрьской социалистической революции) 30

В. Г. Орлова. Развитие русской диалектологии в советский период (1918—1959) 67

Приложение

Л. И. Балахонова. История составления «Опыта областного великорусского словаря» и «Дополнения» к нему . 98

Именной указатель 125

ИРЯ
институт русского языка им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

История русской диалектологии

*

Утверждено к печати Институтом русского языка Академии наук СССР

*

Редактор издательства *Б. С. Шварцкопф*
Технический редактор *В. В. Волкова*
Художник *Б. Н. Персиянцев*

*

РИСО АН СССР № 10а-101В. Сдано в набор 6/х 1960 г
Подписано к печати 23/XII 1960 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4
Усл. печ. л. 6,5 Учет.-издат. л. 6,4
Тираж 2500 экз. Т- 14388 Изд. № 5068 Тип. зак. № 3530

Цена 38 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
60	8 св.	изолженными	изложенными
93	12 сн.	диалектический	диалектологический
112	12 сн.	о важности, изучения	о важности изучения